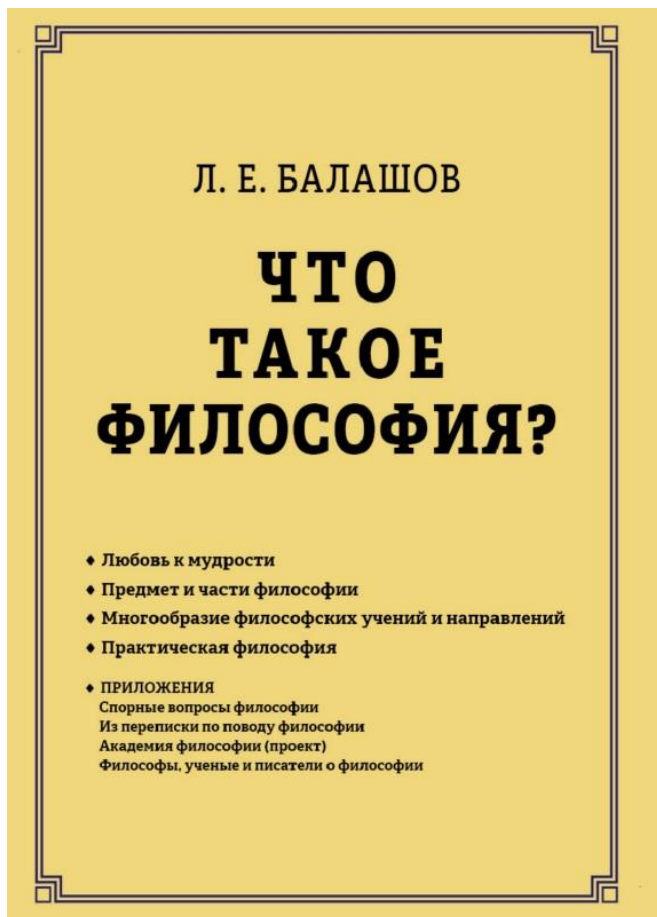

3-е издание, расширенное

- Любовь к мудрости
- Предмет и части философии
- Многообразие философских учений и направлений
- Практическая философия
- ПРИЛОЖЕНИЯ
 - Спорные вопросы философии
 - Из переписки по поводу философии
 - Академия философии (проект)
 - Философы, ученые и писатели о философии

Москва

Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°»
2023

УДК 1
ББК 87
 520

Рецензенты:

О. В. Малюкова — доктор философских наук, профессор,
Московский государственный юридический университет
им. О. Е. Кутафина;

А. Д. Королев — кандидат философских наук,
старший научный сотрудник, Институт философии РАН.

Балашов, Л. Е.

Б20 Что такое философия? — 3-е изд.,
расширенное. — Москва : Издательско-торговая корпорация
«Дашков и К°», 2023. — 84 с.

ISBN 978-5-394-05503-4.

В книге обосновывается идея философии как особого типа культуры, обсуждаются темы: отличие философии от науки, предмет и “части” философии, многообразие философских учений и направлений, значение практической философии.

Для философов-профессионалов и для широкого круга читателей, интересующихся философией.

В приложениях рассмотрены некоторые спорные вопросы философии, приведены тексты из переписки по поводу философии, представлен проект Академии философии, приведены высказывания философов, писателей и ученых о философии.

Отзывы и предложения направлять по адресу:

e-mail: lev_balashov@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

1. Любовь к мудрости	4
2. Предмет и «части» философии	12
3. Философский плюрализм, многообразие философских учений и направлений	18
Материализм и идеализм	18
Рационализм, эмпиризм, иррационализм	21
Догматики и скептики	27
Субъективисты, объективисты, методологи	28
Философы-«специалисты»	29
Философы-систематики	29
4. Практическая философия (софология)	30
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Спорные вопросы философии	37р
Существует ли основной вопрос философии?	37
Что такое философские утверждения?	40
Философия помогает формировать убеждения и, если нужно, исправлять их	41
Философы порой напоминают начинающих или плохих ездоков на лошади...	43
Ницшеанское отвращение к норме и нормальному или узость нефилософского, некатегориального мышления	43
Беспринципный плюрализм постмодернизма	46
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Из переписки по поводу философии	49
Преподавание философии в вузах	49
О философии, этике и переменах в мире	50
Частные и общие вопросы в философии	51
Мысль индивидуальна?	51
Переписка с Денисом Романюком по поводу практической философии и Ф. Ницше	52
ПРИЛОЖЕНИЕ 3. Академия философии (проект)	59
Зачем нужна Академия философии?	59
Цели и задачи Академии	60

К проекту устава Академии философии	64
Мечты-фантазии	65
ПРИЛОЖЕНИЕ 4. Философы о философии	68
Ученые и писатели о философии и философах	80
Библиография	83
Книги, изданные автором	83

1. Любовь к мудрости

Название “философия” происходит от греческих слов “phileo” — люблю и “sophia” — мудрость, что означает любовь к мудрости, любомудрие. Этот буквальный смысл как будто далек от действительного значения понятия “фи-лософия”. Однако это верно лишь отчасти. Мудрость и сейчас остается существенным определением философско-го мышления. Философия есть мудрость, но не отдельного человека, а объединенного Разума людей. Иными словами, философия есть коллективное мышление. Как это пони-мать?

Во-первых, философия есть именно мышление, а не познание, не чувствование, не верование, не воление, не дей-ствование.

Во-вторых, философия не просто мышление, а со мышление, т. е. такое мышление, которое предполагает мыслящее общение людей или мышление людей сообща. Философия — коллективное мышление также как наука — коллективное познание, искусство — коллективное чув-ствование, религия — коллективное верование, мораль — политика — право — коллективное воление, экономика — коллективное производство-распределение и т. д.

В-третьих, исходным и конечным пунктом философ-ствования является не знание, не благо, не красота, а мысль, имеющая смысл-значение для других многих лю-дей, прежде всего для самих философов. Конечно, коллек-тивно мыслят и в науке, в искусстве, во всех других сферах человеческой деятельности. Но это коллективное мышле-ние — лишь подчиненный момент научной-познаватель-ной,

художественной и т. п. деятельности. Оно философично лишь в той мере, в какой внутренне свободно, не связано непосредственно с производством знания, красоты, материальных благ и т. д. В философии коллективное мышление самодостаточно, максимально удалено от решения познавательных-художественных-практических задач. Стихия философии — это стихия чистой, самодостаточной мысли.

Философия — высшее проявление способности живого-человеческого к отсрочке реакции, действия, ответа для обдумывания того, как лучше действовать-поступать.

Самое элементарное поведение — безусловно-рефлекторное, когда между ощущением и действием минимальное расстояние (например, отдергивание руки от горячего предмета сразу после прикосновения). Поведение человека тем сложнее, чем больше расстояние (задержка) между восприятием и действием, познанием и практикой. Философы — такие представители рода человеческого, которые в наибольшей степени олицетворяют-материализуют эту задержку. К философии "побуждает нас странная потребность помедлить, задержаться, остановиться, задуматься, заняться тем, что занятый человек видит как праздные, досужие, схоластические, отвлеченные от жизни рассуждения"

Если философы что-то и предлагают нефилософам, то отнюдь не готовые ответы рецепты, а их полуфабрикаты. Ведь мысль-идея — всегда полуфабрикат...

Раньше некоторые философы, писатели и ученые выдвигали положение о философии как науки наук. Это положение, правильно подчеркивая особую роль философии по сравнению с частными науками как общей мировоззренческой, методологической, идеологической основы научного познания, вместе с тем страдает существенным изъяном. Оно объявляет философию наукой и этим устанавливает жесткую связь между философскими представлениями и научными теориями. В действительности философия является особой формой мышления. Она включает в себя элемент научности, но не сводится к научной форме знания. Наука есть форма коллективного познания, в то время как философия есть форма коллективного мышления людей.

(В скобках отметим, как во взглядах на соотношение философии и науки существует определенная путаница [когда философию представляют наукой], так и в вопросе о соотношении мышления и познания первое нередко представляют как часть, вид или форму второго. На самом деле между мышлением и познанием есть существенное различие и не только в том, что познание включает в себя также чувственные формы отражения. Мышление в равной степени "участвует" как в познавательной, так и в управляюще-преобразовательной деятельности, т. е. является идеальным орудием познания и управления-преобразования. Последние противоположны по своей направленности. Познание — это преимущественно отражательная деятельность, осуществляющая перевод материального в идеальный план (распредмечивание). В познании субъект стремится разделять то, что разделено в объекте, и соединять то, что соединено в объекте. Напротив, управляюще-

преобразовательная деятельность осуществляет “перевод” идеального в материальный план [опредмечивание]. В этой деятельности субъект стремится разделять то, что соединено, и соединять то, что разделено. Мышление же осуществляет на идеальном, психическом уровне взаимодействие [взаимопереход, взаимоопосредствование] этих противоположно направленных форм деятельности. Оно, следовательно, не сводится ни к одной из этих форм деятельности.)

Кроме того, философия, в отличие от науки, не может обязывать, предписывать, указывать “как надо”, быть законодательницей. Ее положения обладают только рекомендательной силой по отношению к другим отраслям человеческой деятельности. Выражение “философия — наука наук” отражает как раз попытку представить философию законодательницей наук, диктующей им свою волю, как себя вести.

Указанное выражение неправильно и в том смысле, что ограничивает взаимоотношения философии с другими отраслями человеческой деятельности только областью отношений с науками. Философия как форма коллективного мышления имеет непосредственное отношение и к науке, и к искусству, и к материальной практике, и к управлению обществом, и к индивидуальному опыту человека. Она рефлексировала по поводу всех этих форм деятельности, занимая положение центра или фокуса, в котором сходятся все формы человеческой деятельности. Иными словами, философия — средоточие, центр всех человеческих исканий и дерзаний.

В нашей стране философия длительное время была (и пока остается) сильно привязанной к государству и науке. Философские исследования проводятся в значительной мере в рамках или под эгидой Российской Академии наук. Неотдифференцированность философии от науки приводит ее к неоправданному онаучиванию, своеобразному

философскому сциентизму. Наукообразный язык в философских книгах и статьях — весьма распространенное явление. В результате от философских исследований-размышлений ждут того же, что от научных исследований. Обратной стороной такого подхода, т. е. стремления "онаучить" философию является ожидание от нее каких-то конкретных научных результатов, готовых ответов на поставленные жизнью вопросы. Поскольку это ожидание не оправдывается, наступает разочарование философией.

Наука, как мы уже говорили, занимается познанием; философия же ничего не познает. Она лишь осмысляет ход и результаты познания (и не только познания, а и практики, искусства, вообще всего человеческого опыта). Науке — науково, а философии — философиево! Наука производит знания. Философия же вырабатывает и разрабатывает идеи. Не более того. Философские идеи — это идеи идей: научных, художественных, практических и т. д. Соответственно и философствование не прямо служит познанию, практике, искусству, а весьма опосредованно.

Философия в нашей стране должна обрести свое лицо и освободиться, наконец, от внешних пут. Никто, ни научные авторитеты, ни государственные, ни религиозные деятели не должны вмешиваться в дела философии.

Примером онаучивания, сциентификации философии являются попытки некоторых философов и философских школ выразить основные философские положения в форме законов. Раз в науке открывают законы, значит и в философии можно это делать. Наиболее ярким примером изобретения философских законов являются марксистские

законы диалектики. С нашей точки зрения только наука может претендовать на открытие и исследование законов предметной области. В философии же “закон” — лишь

одна из категорий, парная категории “явление”, и называть этим же термином некоторые философские основоположения — это логическая ошибка. Либо мы должны признать, что “закон” является высшей категорией диалектики, либо признать, что слово “закон” в случае, когда речь идет о “за-коне диалектики”, имеет иной смысл, чем тот, когда им обозначают одну из категорий диалектики. Во втором случае создается опасность неоднозначного употребления термина “закон”, ведущая лишь к путанице понятий и к различным перекосам в мышлении.

Одной из причин использования в марксистской философии понятия “закон” применительно к некоторым ее основным положениям служит как раз вольное или невольное проведение аналогии между философией и наукой.

Хотелось бы обратить внимание еще вот на какую сторону вопроса о законах диалектики. Наш мир — это вероятностный мир, и случайность играет в нем не меньшую роль, чем необходимость, закономерность. Выражение “законы диалектики”, хотим мы этого или нет, акцентирует внимание

на познании закономерности, упорядоченности реального мира и оставляет в тени другую, прямо противоположную его сторону: неупорядоченность, многообразие явлений, стохастику. А это создает известный перекося в сторону механистического, лапласовского детерминизма, абсолютизирующего необходимость, закономерность, упорядоченность. Перекося в философском мышлении приводит к перекося и в любом другом мышлении: политическом, экономическом, управленческом... Разве не этим объясняется, что на протяжении десятилетий в нашей стране создавался культ плана, культ приказных, административных методов управления и недооценивалось значение стохастических механизмов, в частности, рынка, системы выборов? У нас преимущественно говорили о сознательности, организованности, планомерности и боролись со стихийностью. А ведь стихийность в определенной мере также важна, как и планомерность, организованность. Человеческое общество — живая система, и ему нужен не твердый порядок, предполагающий систему жесткой детерминации поведения людей, а живой порядок-беспорядок, учитывающий в равной степени необходимость и случайность, единство и многообразие, общее и частное.

* * *

Нежизненность концепции законов диалектики особенно видна на примере закона отрицания отрицания. Концепция этого закона навязывает нам жестко однозначную (почти в духе лапласовского детерминизма) схему направления развития, становления. Она, по существу, исключает элемент случайности в возникновении нового,

многовариантность путей развития, становления. Концепция закона отрицания отрицания уязвима еще вот в каком отношении. Этот закон определяется обычно как закон, характеризующий направление процесса развития, единство возникновения нового и относительной повторяемости некоторых моментов старого. Между тем, если вдуматься, закон отрицания отрицания не может характеризовать направление развития в полной мере. В самом деле, во всяком развитии (становлении) важнейшим моментом является переход от старого к новому, т. е. конструктивное движение от одного положительного содержания к другому. В законе же отрицания отрицания акцент делается на отрицании, пусть это будет даже второе отрицание, отрицающее первое. Да, действительно, новое отрицает старое. Но это лишь момент отношения нового к старому. В новом есть другое положительное содержание, которого нет (никогда не было!) в старом, и понятием отрицания это содержание отнюдь не выявляется в полной мере. Из отрицания старого отнюдь не следует утверждение нового, иначе правы были бы анархисты и всякие отрицатели-нигилисты. Отрицание всегда остается отрицанием, как бы его ни называли: снятием, диалектическим отрицанием, вторым отрицанием. (В гегелевской философии отрицание имело смысл положительного понятия, так как для этой философии характерна закольцованность представлений — абсолютный, мировой дух в конечном счете возвращается к себе). В понятии отрицания, если оценивать его реалистически, на первый план всегда выступает отрицательное содержание. Иначе это понятие обозначалось бы другим словом. Конечно, между отрицанием как разрушением-уничтожением и отрицанием как моментом

развития есть разница. Но это не дает нам права считать диалектическое отрицание таким моментом, который делает развитие развитием, а станов-ление — становлением.

“Закон” отрицания отрицания отражает лишь факт отрица-ния и преемственности между новым и старым. В полной мере взаимоотношения старого и нового характеризуются категориями развития и становления. Никаких искусствен-ных подпорок, хотя бы в виде “закона отрицания отрица-ния”, не требуется для объяснения смысла указанных кате-горий. Уж если говорить о раскрытии содержания катего-рий “развитие” и “становление”, то следует сказать, что это содержание раскрывается в целой системе категорий и по-нятий.

* * *

Говоря о том, что философия ничего не познает, мы имели в виду, что “экологическая ниша” философии как особого типа культуры — не познание, а мышление. Це-лью философствования является не постижение истины, а мудрость. Ведь философствование и есть мудрствование (в хорошем смысле этого слова). Только наука “имеет право” заниматься познанием. Это ее особенность, ее “хлеб”. Мо-гут сказать: а как же быть с выражениями “философское знание”, “философская наука” и т. п.? На это ответим: сло-ва “знание” и “наука” применительно к философии упо-ребляются в ином смысле, нежели когда говорят о науке как типе культуры и о познании как отрасли человеческой деятельности. Ведь и в богословии нередко употребляют выражения “богословское знание”, “богословская наука”. Но ведь никто не считает “богословское знание” научным знанием, а “богословскую

науку” действительно наукой подобно физике, биологии, социологии.

Когда говорят о философском знании, то имеют в виду не то знание, которое приобретается в процессе научного познания. Философское знание и научное знание — различные “вещи”. Научное знание — результат познания реального мира, мира как объекта познания. Философское знание — результат внутрифилософских потоков информации, идущих от одного философа к другому. Если я прочитал сочинения Платона и понял их, то получил знание об учении Платона, о его идеях, взглядах и т. п. Сумма философских знаний — это прежде всего знание основных философских учений-идей прошлого и настоящего. Философское знание похоже на научное знание в том смысле, что оно, как и научное знание, более или менее адекватно, соответственно отображает предмет, в нашем случае — учение, идеи, мысли другого философа (других философов). Философски образованный человек — это человек, который более или менее адекватно воспринял и усвоил основные идеи философов прошлого и настоящего. Философское образование является основой философской учености и философского профессионализма. Слова “ученость” и “ученый” применительно к философу означают лишь то, человек основательно учился философии. Почти то же можно сказать о словах “научность” и “наука”. Применительно к философии эти слова означают научение философии. Кроме того, слово “наука” в сочетании с прилагательным “философская” (философская наука) означает тот или иной раздел философии, выделившийся в относительно самостоятельную философскую дисциплину, в отрасль фило-

софского знания. Философскими науками называют этику, эстетику, логику...

* * *

В последние десятилетия в нашей стране дает о себе знать другая крайность: антисциентизм-иррационализм. Это определенно реакция на предшествующие десятилетия философского сциентизма-рационализма. Раскрепощенные философы вдруг заговорили как богословы, мистики, ясновидцы, пророки...

Ни сциентизм, ни антисциентизм не делают философа философом. Мы, философы, должны научиться говорить своим голосом — без наукообразности и сциентизма, с одной стороны, и без религиозно-мистической, пророческой риторики-аффектации, с другой.

2. Предмет и «части» философии

Философы обсуждали проблему “частей” философии, ее структурированности, с тех пор как состоялось первоначальное накопление философских идей и появились первые философы-систематики. Вот некоторые цитаты из древних авторов:

Сенека (середина I в. н. э.): “Большинство писавших об этом, причем самых великих, утверждали, что философия

делится на три части: нравственную, естественную и ту, что

посвящена человеческому разуму . Первая вносит порядок в душу. Вторая исследует природу вещей. Третья

испытывает свойства слов, их расположение, виды доказательства, чтобы ложь не вкралась под видом истины” .

Диоген Лаэртский (начало III в. н. э.): “Наконец, одни фи-лософы называются физиками, за изучение природы; другие — этиками, за рассуждение о нравах; третьи — диалектиками, за хитросплетение речей. Физика, этика и диалектика суть три части философии; физика учит о мире и обо всем, что в нем содержится; этика — о жизни и свойствах человека; диалекти-ка же заботится о доводах и для физики, и для этики. До Архе-лая [включительно] существовал только один род — физика; от Сократа... берет начало этика; от Зенона Элейского — диа-лектика” .

Секст Эмпирик (конец II — нач. III в. н. э.): “Поскольку философия есть некоторая пестрая вещь, то в целях стройного и методического исследования каждого пункта необходимо будет рассматривать хотя бы некоторое относительно частей философии.

Если прямо приступить к делу, то одни, как известно, принимают ее как состоящую из одной части, другие — из двух, а еще иные — из трех. Из тех, кто принимает одну часть, одни допускают физическую часть, другие — этическую, третьи — логическую. И равным образом из разделяющих ее надвое, одни разделили ее на части физическую и логическую, другие — на физическую и этическую, третьи — на логиче-скую и этическую. А разделяющие на три части соответствен-но разделили ее на физическую, логическую и этическую” (с. 61).

“Совершеннее в сравнении с ними те, которые говорили, что одно в философии, есть нечто физическое, другое — этическое и третье — логическое. Начинателем же этого в принципе является Платон... Отчетливее же всего этого разделения придерживаются ученики Ксенократа, перипатетики, а также стоики.

Отсюда не без вероятности уподобляют философию обильному плодами саду, когда физическая часть сравнивается с ростом растений, этическая — со зрелостью плодов, а логическая — с крепостью стен. Другие же говорят, что она похожа на яйцо, а именно, что этическая часть сходна с желтком, который, по мнению иных, есть зародыш, физическая — с белком, который, как известно, есть пища для желтка [т. е.], и логическая — с внешней скорлупой. Поскольку же части философии взаимно неотделимы, растения же, с одной стороны, рассматриваются отдельно от плодов и стены отделены от растений, то Посидоний считал более уместным уподоблять философию живому существу, именно: физическую часть — крови и мясу, логическую — костям и мускулам, этическую — душе” (с. 63-64) .

Как можно видеть из приводимых цитат, древние авторы были близки к правильному пониманию соотношения частей философии. Действительно, философия в ее полном виде может быть разделена на три части соответственно трем “предметам”: объекту деятельности, субъекту деятельности и самой деятельности, точнее ее средствам-методам.

Итак, содержание философии составляют наиболее общие представления о мире в целом, его категориальной структуре, о человеке и обществе, в котором он живет, о способах деятельности или освоения человеком мира. Графически предмет философии выглядит так:

Можно выделить три “части” предмета философии:

1. Мир в целом (объективная реальность), его категориальная структура (объективная система категориальных определений мира).
2. Человек и общество (субъективная реальность).

Человек-общество — двойной субъект, в котором определяющую роль играет человек. Человек — первичный субъект, общество — вторичный. Человек “светит” своим светом, общество — отраженным. С другой стороны, эти два субъекта, как два магдебургских полушария, неразделимы. Человек для себя — субъект во всех отношениях. Общество не является субъектом для себя и тем более субъектом во всех отношениях. Для человека общество, — по преимуществу, объективная реальность. Общество по отношению к природе — субъект; оно действует, преобразует природу, но по отношению к человеку оно и объективно, и суть нечто зависимое, являющееся частью человека. Например, наука, часть общества, не может существовать без отдельных ученых. Последние делают науку наукой! Или: философия, как коллективное мышление, с одной стороны, существует вроде бы независимо от отдельного

философа, а, с другой, не существует вне мышления отдельных философов. Она может существовать независимо от отдельного философа, но не может существовать независимо от множества отдельных философов.

Наибольшая реальность — не в отдельном человеке и не в обществе, а в чем-то среднем между тем и другим: в человеке-обществе или в обществе-человеке. Человек-общество — это человек, живущий в обществе; общество-человек — это общество, реализующее себя в отдельном человеке, живущее благодаря человеку.

3. Деятельность, взаимодействие субъекта с объектом, способы и направления деятельности (мышление, познание, практика, искусство).

Соответственно трем “частям” предмета можно выделить три “части” философии:

1. Учение о мире в целом и его категориальной структуре — мировоззренческая “часть”.

2. Учение о человеке и обществе — философская антропология и социальная философия.

3. Учение о формах и методах деятельности — методологическая “часть”.

Как мировоззрение философия дает наиболее общее представление о мире в целом и его категориальной структуре. Предметом этой “части” философии является объек-

тивная реальность, мир, как он существует сам по себе, независимо от человека и человечества. Мировоззренческий аспект философии выдвигает на первый план ее объективность, беспристрастность. В этой "части" она стремится к идеалу "научной" философии.

Как учение о человеке и обществе философия реализует принцип "познай самого себя" и ориентирует развитие человека и общества в определенном направлении. Этот аспект философии можно было бы назвать идеологическим. Он обнаруживает ее активный, действенный, субъективный характер, ее пристрастность.

Как учение о формах и методах деятельности философия служит общим методом познания и практики. Мало иметь представление о мире в целом, мало знать, чего хочет человек, надо также разрабатывать вопросы успешной деятельности по освоению (познанию и преобразованию) мира. Предметом методологической "части" философии является человеческая деятельность в ее многообразных формах, иными словами, взаимодействие субъекта (человека и общества) с объектом (объективным миром). Философская методология включает в себя:

1. Учение о творчестве.
2. Учение о мышлении.
3. Учение о познании.
4. Учение о практике.
5. Учение об игровой деятельности (искусстве, спорте).

В учении о мышлении центральным является вопрос об идее.

В учении о познании центральным является вопрос об истине.

В учении о практике центральным является вопрос о благе, ценности.

В учении об искусстве центральным вопросом является вопрос о прекрасном, красоте.

Каждая из указанных “частей” философской методологии имеет свою систему специфических категорий-понятий.

* * *

Философия, как любая другая отрасль человеческой деятельности, развивается, усложняется, а следовательно, дифференцируется внутри себя. Идет процесс дифференциации философии и специализации ее отдельных частей. С другой стороны, время от времени возникают философские системы, “работающие” в направлении интеграции философских идей. Дифференциация и интеграция философии — две стороны единого процесса ее становления-развития.

Давно уже сложилось своеобразное разделение труда между философами. Они разделились на философов-специалистов (специализирующихся в какой-нибудь одной области философии) и философов-систематиков, стремящихся охватить единым мысленным взором все богатство философских идей. И те и другие философы нужны современному обществу.

Примерно такая же ситуация наблюдается в естествознании. Так, выступая в защиту Гегеля физик из США Б. Стеффердинг проводит ту мысль, что историческое недо-разумение между естественными науками и гегелевской философией нуждается в пересмотре. По его словам, Ге-гель, будучи великим философом "ставил перед собой за-дачи такие же, какие ставят перед собой теоретики есте-ствознания, а именно привести в связную систему извест-ные факты". По его словам, "95% всех современных есте-ственнаучных исследований направлено на расширение знаний о фактах и лишь некоторые из естествоиспытателей озабочены тем, чтобы привести факты и данные во всео-хватывающую систему" .

Интересные мысли о философах-собираателях фактов и систематиках высказал Д. Дидро. Он писал: "С одной сто-роны — собирать, с другой стороны — связывать факты — два очень трудных занятия; философы и распределили эти занятия между собой. Одни посвящают свою жизнь соби-ранию материалов, — это полезные и трудолюбивые ра-ботники; другие, гордые строители, спешат их использо-вать. Но время доныне опрокидывало почти все сооруже-ния рациональной философии. Обреченный работать в пы-ли труженик рано или поздно выносит из подземелья, где он действует вслепую, глыбу, губительную для этой архи-тектуры, изобретенной головным способом; она рушится, и остаются только груды обломков, пока другой смелый ге-ний не предпримет новой комбинации...

Мы различили два вида философии: философию экс-периментальную и рациональную. У одной глаза завязаны,

она всегда идет спотыкаясь, она берется за все, что ей падает в руки, и, в конце концов, натывается на драгоценные вещи. Другая подхватывает этот драгоценный материал и старается разжечь из него факел; но до настоящего времени этот мнимый факел служил ей хуже, чем ее сопернице искание наощупь; это и естественно. Опыт бесконечно умножает свои поиски, он действует непрерывно; он неизменно ищет явления, в то время как разум идет путем аналогий. Экспериментальная философия не знает, что ей попадется в работе и чего не окажется; но она работает без устали. Наоборот, рациональная философия взвешивает возможности, произносит свой суд и умолкает...” .

Если взять развитие философии за большие промежутки времени, то увидим, что время от времени появлялись всеохватывающие системы философии. В Древней Греции такой всеохватывающей системой была философия Аристотеля. В новое время каждый крупный философ претендовал на создание системы философского знания. Систематические учения оставили Декарт, Спиноза, Гоббс, Локк, Кант. Поистине Аристотелем нового времени стал Гегель.

3. Философский плюрализм, многообразие философских учений и направлений

Многообразие философских учений и направлений — от многообразия человеческих типов, характеров и многообразия форм деятельности. Еще Аристотель подметил, что взгляды философа определяются тем, чем он занимается. О Пифагоре и пифагорейцах он писал: “... так называемые пифагорейцы, занявшись математикой, первые развили ее и, овладев ею, стали считать ее начала началами всего су-

ществующего” . Фихте отметил другое: "Какую философию ты выбираешь, зависит от того, что ты за человек".

Материализм и идеализм

Самое известное деление философов — на материалистов и идеалистов. Оно же и самое древнее. Уже Платон делил философов подобным образом.

По мнению А.Н. Чанышева, «Платон был первым философом в истории философии, который понял, что история философии — история борьбы двух видов философов (которые позднее стали называться материалистами и идеалистами). Из философов «одни все совлекают с неба и из области невидимого на землю... утверждают, будто существует только то, что допускает прикосновение и осязание, и признают тела и бытие за одно и то же», другие же настаивают на том, что «истинное бытие — это некие умопостигаемые и бестелесные идеи» (Со-фист, 246 АВ). При этом Платон говорит о борьбе между этими двумя видами философов: первые всех тех, кто говорит, что есть нечто бестелесное, «обливают презрением», вторые же не признают тела за бытие. «Относительно этого (т. е. того, что принять за бытие: тела или идеи. — А. Ч.) между обеими сторонами, — заключает Платон свой рассказ о двух видах философов, — происходит сильнейшая борьба» (там же). Платон на стороне вторых философов. Он называет их «более кроткими» (246 АС)». — А. Н. Чанышев. Из неопубликованной рукописи по истории древней философии.

Материализм и идеализм различны главным образом вследствие различия их объектов. Объектом материалистической философии является природа и все остальное она рассматривает через “призму” природы. Главным объектом внимания идеалистической философии являются высшие формы человеческой, духовной, социальной жизни. Если за основу берется духовная жизнь человеческого общества — то это — объективный идеализм. Если же за основу берется духовная жизнь индивидуума, то это — субъективный идеализм.

Материалисты идут от природы, от материи и объясняют явления человеческого духа на основе материальных причин. Идеалисты идут от явлений человеческого духа, от мышления и на их основе объясняют всё остальное. Коротко говоря, материалисты идут от мира к человеку и его разуму, а идеалисты идут от человека к миру.

Идеалисты пытаются объяснить низшее через высшее, а материалисты, наоборот, — высшее через низшее.

Материалисты рассматривают идеальное как слепок, отражение реального. Идеалисты, напротив, рассматривают реальное как слепок-продукт идеального. И те и другие по-своему правы. Материалисты абсолютизируют познавательную способность человека (ведь в познании реальное мы переводим в идеальный план; идеальное, полученное в процессе познания, лишь повторяет реальное, соответствует ему, разделяет то, что разделено в объекте и соединяет то, что соединено в объекте; в познании мы приспособляемся к миру, пытаемся слиться с ним, раствориться в нем). Идеалисты абсолютизируют управляюще-преобразующую

способность человека (в управляюще-преобразовательной деятельности мы переводим идеальное в реальный план; реальное, полученное в результате такой деятельности, лишь повторяет идеальное, соответствует ему; в управляюще-преобразовательной деятельности мы приспособливаем мир к своим потребностям, пытаемся подчинить его себе, господствовать над ним, очеловечить, одухотворить его).

Есть еще одно различие между материализмом и идеализмом, о котором писал А. И. Герцен: "...идеализм стремился уничтожить вещественное бытие, принять его за мертвое, за призрак, за ложь, за ничто, пожалуй, потому, что быть одной случайностью сущности весьма немного. Идеализм видел и признавал одно всеобщее, родовое, сущность, разум человеческий, отрешенный от всего человеческого; материализм, точно так же односторонний, шел прямо на уничтожение всего невещественного, отрицал всеобщее, видел отделение мозга, в эмпирии единый источник знания, а истину признавал в одних частностях, в одних вещах, осязаемых и зримых; для него был разумный человек, но не было ни разума, ни человечества..." .

Нужно указать также на то, что материализм и идеализм весьма различаются в своих ценностных ориентациях. "Невозможно логическими доводами, — справедливо замечает Л. Н. Гумилев, — примирить людей, взгляды которых на происхождение и сущность мира полярны, ибо они исходят из принципиально различных мироощущений. Одни ощущают материальный мир и его многообразие как благо, другие — как безусловное зло..." За примерами не нужно далеко ходить. Вот мнение Гегеля: "... все духовное, лучше какого бы то ни

было продукта природы". Прямо противоположного мнения придерживался биолог Р. Майер. "Природа в ее простой истине, — писал он, — является более великой и прекрасной, чем любое создание человеческих рук, чем все иллюзии сотворенного духа". Ему вторит русский поэт К. Н. Батюшков:

Что наш язык земной пред дивною природой?

С какой небрежностью и легкою свободой

Она рассыпала повсюду красоту

И разнovidное с единством согласила!

Но где, какая кисть ее изобразила?

Едва-едва одну ее черту.

С точки зрения категориальной логики материализм и идеализм содержат в себе целый комплекс абсолютизаций и односторонностей. Они представляют собой не просто ошибки, а перекосы категориального мышления.

Общая для них ошибка — монизм. Материализм вольно или невольно сводит всё многообразие мира к одной категории — материи. Идеализм, напротив, сводит все многообразие мира к идеальному, духовному.

Далее, если материализм тяготеет к редукционизму, то идеализм, напротив, наделяет низшее чертами высшего, тем самым усложняя и мистифицируя его.

Наиболее классическая форма идеализма: идеализм Гегеля. Ему были свойственны такие ошибки: абсолютизм, холизм, инфинитизм, квалитатизм, реализм, систематизм, нецессизм, панлогизм.

Рационализм, эмпиризм, иррационализм

Другое известное деление философов — на рационалистов, эмпириков и иррационалистов.

Слово “рационализм” происходит от французского “rationalisme”, которое в свою очередь происходит от латинского “rationalis”, а последнее от латинского же “ratio”. Одно из основных значений слова “ratio” — разум. Соответственно рационализм часто понимают как концепцию, утверждающую верховенство разума в жизни человека. А иррационализм методом от противного рассматривается как концепция, отвергающая верховенство разума в жизни человека. Кто же прав?

Кажется очевидным непререкаемый авторитет разума и, напротив, странным, почему люди, философы вновь и вновь атакуют разум, отвергают его притязания на верховенство и т. д. и т. п.

В том, что разум управляет человеком, его поведением, есть противоречие. С одной стороны, понятно, что в разуме сосредоточены основные нити управления человеческим поведением. Но, с другой, как может “часть” (а разум лишь “часть” человека, пусть главная, но всё же “часть”) управлять, “вертеть” целым?

Да, действительно, разум лишь “часть”, но такая, которая делает целое целым. Разум — интегральное “свойство” человека, делающее его целым, т. е. он в известном смысле и часть, и целое, является связующим звеном между “ча-стями” человека и человеком как целым.

Рационалисты любят декартовское “я мыслю, следовательно, существую”. Иррационалистам ближе шекспировские слова: “есть много, друг Гораций, на свете такого, что и не снилось нашим мудрецам”.

Рационалисты акцентируют внимание на верховенстве разума, а иррационалисты — на его ограниченности, на том, что разум меньше самого человека, меньше жизни, и поэтому не может быть верховным руководителем жизни. И те и другие правы по-своему. Истина, как всегда, где-то посередине. Человек, с одной стороны, старается руководствоваться в своем поведении доводами разума, а, с другой, ведет себя порой как существо внеразумное, лишенное разума, а то и просто безумное, как чувствующее, наслаждающееся или страдающее, как волящее или безвольное и т. д.

Различие между рационализмом и иррационализмом не только в их отношении к разуму. Они — это логика и интуиция, рассудочность и алогизм, возведенные в ранг философской концепции или сознательно принятые в качестве методологических установок, парадигм.

Рационалисты склонны к порядку, любят его и абсолютизируют его. Соответственно они абсолютизируют знание,

всё непознанное пытаются истолковать с позиций познанного, наличного знания.

Иррационалисты, наоборот, не любят обычный порядок вещей, склонны к беспорядку, готовы допустить все, что угодно. Иррационалисты — это любители парадоксов, загадок, мистики и т. п. Они абсолютизируют незнание, сферу неизведанного, непознанного, тайну.

Можно различать умеренный и крайний рационализм, умеренный и крайний иррационализм.

Умеренный рационализм достаточно самокритично относится к себе (пример: критический рационализм К. Поппера), отвергает чисто рассудочный, чисто логический подход к оценке явлений мира.

Крайний рационализм рассудочен, до омерзения логичен, расчетлив как вычислительная машина, выступает в таких мировоззренческих установках как лапласовский детерминизм, механицизм, технократизм.

Умеренный иррационализм делает упор на эмоциональность, неповторимость, индивидуальность, пренебрежительно относится к логике, любит парадоксы и загадки (пример: философия С. Кьеркегора, экзистенциализм). В искусстве он выступает в форме абсурдизма, сюрреализма...

Крайний иррационализм обычно выступает в форме мистицизма. Для него всё тайна, всё чудо, возможно любое нарушение порядка (законов, правил, естественного хода событий, жизни и т. п.). Мистицизм бывает религиозным и нерелигиозным или полурелигиозным.

Эмпиризм — абсолютизация опыта, промежуточного (между логикой и интуицией) способа мышления, вероятностного подхода. Он выступает в двух формах: сенсуализма и прагматизма. Сенсуалистический эмпиризм акцентирует внимание на чувственном опыте (*sensus* — чувство, ощущение), чувственном познании. Прагматический эмпиризм акцентирует внимание на двигательной активности человека, на физических-практических действиях, приводящих к успеху. Сенсуализм пассивен, созерцателен; прагматизм активен, деятелен.

Эмпиризм занимает промежуточное положение между рационализмом и иррационализмом. Это видно из следующего.

Первое. Ясно, что между рационализмом и иррационализмом более глубокое различие, чем между рационализмом и эмпиризмом. И если располагать указанные философские-методологические позиции-установки в один ряд, то рационализм и иррационализм будут крайними членами этого ряда, а эмпиризм — средним членом.

Второе. На промежуточный характер эмпиризма указывает и то, что он может тяготеть к рационализму, быть, так сказать, рационалистическим и к иррационализму, быть иррационалистическим. Т. Гоббс и Д. Локк были философами-эмпириками рационалистического толка, а вот Дж. Беркли — философ-эмпирик иррационалистического толка.

Третье. Эмпирики отвергают крайности рационализма и иррационализма. Они достаточно скромно оценивают и рассудочную, дедуктивную логику, и интуицию, фантазию.

Вспомним, как Ф. Бэкон, эмпирически ориентированный философ, выступал против дедуктивной логики Аристотеля. Органону Аристотеля он противопоставил свой “Новый Органон”, в котором пытался обосновать универсальное значение индукции как научного метода. С другой стороны, эмпирики не жалуют интуицию (догадку, фантазию, воображение). Они выступают против мистицизма.

Это, кстати, не исключает “дружбы” крайнего эмпиризма с мистицизмом. Вот что, например, писал Ф. Энгельс о плоском эмпиризме биолога Уоллеса и химика Крукса: “Но довольно. Мы здесь наглядно убедились, каков самый верный путь от естествознания к мистицизму. Это не безудержное теоретизирование натурфилософов, а самая плоская эмпирия, презиравшая всякую теорию и относящаяся с недоверием ко всякому мышлению (выделено мной. — Л. Б.). Существование духов доказывается не на основании априорной необходимости, а на основании эмпирических наблюдений господ Уоллеса, Крукса и компании. Так как мы доверяем спектрально-аналитическим наблюдениям Крукса, приведшим к открытию металла таллия, или же богатым зоологическим открытиям Уоллеса на островах Малайского архипелага, то от нас требуют того же самого доверия к спиритическим опытам и открытиям обоих этих ученых. А когда мы заявляем, что здесь есть все-таки маленькая разница, а именно, что открытия первого рода мы можем проверить, второго же не можем, то духовидцы отвечают нам, что это неверно и что они готовы дать нам возможность проверить и спиритические явления”.

Вообще эмпирики слишком скромно оценивают человеческое мышление и разум, в частности. Эмпирики-

сенсуалисты отдают предпочтение чувственному опыту. Их наиболее яркий представитель — Д. Локк — утверждал: “Нет ничего в разуме, чего прежде не было бы в чувствах”. Вдумайтесь в эти слова: какое, в сущности, уничтожение разума! (Зачем тогда разум, если в нем нет ничего, чего не было бы в чувствах?)

Эмпирики прагматического направления отдают предпочтение действию, практическому опыту.

Такая скромная оценка мышления и разума вполне корреспондируется с вероятностным характером эмпирического мышления. Ведь на основе опыта можно получить только вероятные выводы. В этом случае нет места ни дедукции, ни интуиции. А где нет дедукции и интуиции, там нет и Разума как высшей способности мышления, объединяющей то и другое. Да и о мышлении в целом приходится говорить как о некоторой условности, как о каком-то не-понятном довеске к чувственности. В самом деле, что такое мышление без Разума, т. е. без Силы и Глубины?! Да и во-обще, возможно ли мышление без взаимодействия (в ши-роком смысле) логики и интуиции?!

Можно различать крайних и умеренных эмпириков. Крайние эмпирики стоят на позиции, что существует только то, что можно потрогать и пощупать. «Что в руки взять нельзя — того для вас и нет» (Гёте) — вот их кредо. По их мнению, опыт является единственным источником знания. Крайний эмпиризм называют еще ползучим эмпиризмом. Он ползает по частным случаям и не пытается оторваться от них, т. е. не пытается обобщать. Ползучий эмпиризм ле-тать не способен.

Умеренный эмпиризм на словах за опыт как источник знаний, а на деле вынужден в какой-то мере учитывать то, что лежит за пределами опыта.

Умеренные эмпирики — как птицы с подрезанными крыльями или как курицы, которые так тяжелы, что могут только вспархивать, но не летать.

Ниже приводится схема соотношения рационализма, эмпиризма, иррационализма и “разумизма” (рис. 2, справа).

Она аналогична структурной схеме мышления (см. рис. 2, слева). Это позволяет не просто говорить о различии или противоположности указанных подходов, а классифицировать их, уточнить их место и роль в человеческой культуре.

Из схемы можно видеть, что наиболее сбалансированная позиция — это позиция “разумизма”. Она охватывает все типы мышления (логику, интуицию, вероятностное мышление) и избегает крайностей-односторонностей рационализма, иррационализма, эмпиризма. Термин “рационализм” не подходит для обозначения указанной позиции, так как по-русски он может пониматься и как “разумизм”, и как “рассудизм”. Эта неопределенность в понимании термина создает постоянную опасность истолкования его в одностороннем смысле (как “рассудизм”). Это — во-первых. Во-вторых, односторонность рационализма как бы продуцируется-задается фактом существования противоположной позиции — иррационализма. Спор между рациона-

лизмом и иррационализмом — это, в сущности, ситуация позиционного конфликта, как в суде: между обвинением и защитой. Соответственно, как и в суде, должен быть верховный арбитр между рационализмом и иррационализмом. Им не может быть рационализм, поскольку он сам — одна из спорящих сторон.

(К. Поппер попытался преодолеть односторонность рационализма и иррационализма в концепции критического рационализма и это получилось у него в общем-то не-плохо. Неудачно только название концепции. Критический, да еще рационализм! Поппер не учел того, что выражение “критический рационализм” довольно-таки неопределенно, допускает разные толкования, не только то, которое он дал. Например, “критический рационализм” можно понимать как признание критики главенствующим способом мышления. Или его можно понимать как рационализм, критикующий всё, что не является рационализмом. И т. д., и т. п.)

Догматики и скептики

Философов делят также на догматиков и скептиков. Философы-догматики вырабатывают свои идеи либо излагают чужие и отстаивают их, т. е. рассуждают в основном в духе позитивного, конструктивного, утвердительного философствования. Напротив, философы-скептики настроены в основном на волну критического, деструктивного философствования. Сами они не вырабатывают идеи, а лишь критикуют чужие. Философы-догматики — это философы-изобретатели или философы-излагатели, а философы-

скептики — это философы-чистильщики, философы-мусорщики.

Критическое философское размышление весьма полезно для определения и уточнения границ философствования, для выяснения того, что может философия, а что не может. Щуки в философии так же нужны, как и караси. На то и щука, чтобы карась не дремал — говорит пословица. В древности была целая школа таких философов.

Крайние догматики — это уже не философы, а люди, которые утверждают и отстаивают идеи несмотря ни на какие обстоятельства, без учета конкретных условий. Они не терпят никаких возражений и не выносят никакой критики. Крайние догматики — это либо фанатики, либо люди с окостеневшим рассудочным мышлением. Крайние скептики — тоже уже не философы, а люди, ни во что не верящие, подвергающие всё сокрушительной, уничтожающей критике. Это либо злопыхатели, которым всё не по нутру, либо очень мнительные люди.

Субъективисты, объективисты, методологи

Заслуживает внимания и такое деление философов: на субъективистов, объективистов и методологов — в зависимости от основного предмета философствования. Философы-объективисты акцентируют внимание на мировоззренческих проблемах, на осмыслении внешнего мира. К ним относятся большинство материалистов, натурфилософы, онтологи. Философы-субъективисты акцентируют внимание на проблемах человека и общества. К ним относятся идеалисты, философы жизни, экзистенциалисты.

Наконец, философы-методологи осмысливают преимущественно формы и средства человеческой деятельности. Это — кантианцы, позитивисты, неопозитивисты, прагматисты, представители лингвистической философии, философы науки.

Философы-«специалисты»

В последние сто-двести лет появились философы, которые, образно говоря, обслуживают связь философии с другими формами культуры. Философия существует ведь не в безвоздушном пространстве. Как часть культуры она тесно связана с другими ее частями. Человеческая культура как таковая едина и многообразна. Если представить ее в виде дискретно-непрерывного поля, то на нем отчетливо выделяются некоторые “участки” — наука, искусство, практика, религия и, конечно, наша философия. Эти “участки” культурного поля, с одной стороны, относительно самостоятельны, независимы друг от друга, с другой, — тесно связаны друг с другом, имеют между собой много промежуточных звеньев-переходов. Философия, например, плавно переходит в науку, а наука — в философию. С одной стороны, в философии работают сциентизирующие философы (философы науки, философы-методологи, специализирующиеся на проблемах научного познания), с другой — в науке работают философствующие ученые, разрабатывающие проблемы общенаучной и частнонаучной методологии. Такую же тесную связь можно видеть между философией и искусством. Есть философы, специализирующиеся исключительно на философском осмыслении искусства и литературы, а есть философствующие ис-

кусствоведы и художники. Теперь, если возьмем философию и практику, то совершенно отчетливо увидим, с одной стороны, философов-прагматиков, философов-инструменталистов, например, а, с другой, философствующих политиков, государственных деятелей, менеджеров, изобретателей, инженеров и иных практических специалистов. Если говорить о переходных звеньях между философией и религией, то их также немало. Есть богословствующие, религиозные философы и есть философствующие богословы и священнослужители.

Философы-систематики

И, наконец, существует очень небольшое количество философов, которых трудно отнести к какому-то одному типу, направлению. Это так называемые чистые философы, философы-систематики, создатели всеобъемлющих философских систем. Я говорил о них в предыдущем разделе. Эти философы по-хорошему всеядны, их взгляды-интересы, симпатии-антипатии достаточно сбалансированы и именно они в наибольшей степени заслуживают звания философов, т. е. людей, стремящихся к мудрости, мудрецов.

4. Практическая философия (софология)

Наша жизнь есть то, что мы думаем о ней.

Марк Аврелий

Практическая значимость философии вытекает из того фундаментального факта, что мысль может непосредственно

влиять на действие: либо побуждать человека к действию, либо, напротив, тормозить, останавливать действие, отвращать от него. Само собой разумеется, это относится и к практической философии как отрасли философии вообще.

Цель практической философии: побуждать с помощью мысли к правильным, хорошим действиям и отвращать от ошибочных, плохих действий.

Нужно иметь в виду, что практическая философия не то же самое, что практическая роль философии. Философия в целом оказывает определенное практическое воздействие на жизнь людей. И большей частью опосредованно, через науку, изобретательство, политику, экономику, искусство, литературу. Практическая философия — это та часть философии, которая пытается непосредственно влиять на жизнь людей, через философские тексты и речи, через живое общение философов с людьми, через философские беседы людей друг с другом.

Практической философией в точном смысле слова, профессионально занимались немногие: некоторые софисты в Древней Греции и некоторые философы, использовавшие философскую аргументацию в своих индивидуальных и коллективных беседах для тех или иных практических целей.

В широком смысле к практической философии относят тексты и речи разных авторов, содержащие философскую аргументацию, мысли о жизни, человеке, об отношении к миру, обращенные ко всем людям и побуждающие к действию или отвращающие от него. Эти тексты и речи, как правило, не носят характер исследования, а содержат рассуждения,

отдельные мысли и рекомендации... В этом вто-ром значении практическая философия имеет богатую ис-торию и традиции. Многие философы прошлого оставили тексты, имеющие практически-философский смысл. И не только философы, а и другие писатели: поэты, прозаики, ученые, историки, психологи, политики и т. д.

К сожалению, практическая философия (в своем основном значении, как софология) пребывает еще в зачаточном состоянии. Общество только сейчас начинает осознавать, что философия может непосредственно (без посредников разного рода) влиять на дела и судьбы людей, что философы могут работать с людьми — подобно психо-логам, психоаналитикам, врачам, священникам.

Под практической философией нередко понимается раздел философии, посвященный человеческим делам, нацеленным на достижение блага. Так понимали ее многие философы, в том числе Гегель. С моей точки зрения, не совсем точно называть практической философией рефлексию блага, практического действия. По большому счету практическая философия отличается от философии вообще не столько своим содержанием-предметом, сколько своей "способностью" непосредственно влиять на мысли и дела людей.

Такую философию лучше обозначать специальным термином. Предлагаю называть ее софологией, а практического философа — софологом.

Конечно, люди (нефилософы) чаще всего обращаются к тем разделам философии, которые интересны им в жи-

тейском, утилитарно-узкопрактическом плане. Но это не значит, что им совсем неинтересны другие разделы философии. Например, разве им неинтересны мировоззренческие вопросы и разве эти вопросы, вернее ответы на них, не влияют на поведение людей? Влияют, да еще как! А разве им безразлично то, как они думают? Нет, конечно! Любой, даже самый абстрактный (далекий от тех или иных житейских дел) философский вопрос может быть интересен не-философу. Как я уже говорил, в точном смысле практическая философия — это философия, которая осуществляет непосредственную связь философии с жизнью, с нефилософией. А софолог, практический философ — это философ, который способен и умеет налаживать связь с нефилософом, который через умную беседу может влиять на его мысли и дела. В роли софолога, практического философа может оказаться любой философ, если он хоть раз продуктивно и именно как философ беседовал с нефилософом. Практическая философия может стать профессией философа, если последний наладит постоянное живое общение с нефилософами и будет за это получать вознаграждение...

В свете сказанного становится ясным, что практическая и житейская философия — не одно и то же. Последняя лишь часть первой. Житейская философия — это философия повседневной, обычной жизни человека. Она далека от фундаментальных — мировоззренческих, человековедческих и методологических — вопросов. И в этом ее ограниченность.

Иногда вместо слова “житейская” применительно к философии употребляют слово “жизненная”. Жизненная философия — это философия жизни вообще, жизни как та-

ковой. Она может быть весьма глубинной, затрагивающей фундаментальные мировоззренческие и человековедческие вопросы.

(Все чаще в последние десятилетия употребляется выражение "прикладная философия". В 80-е годы в Англии были даже учреждены Британское общество прикладной философии и его печатный орган — The Journal of Applied Philosophy. Прикладная философия обычно противопоставляется фундаментальным проблемам метафизики как размышление о проблемах реальной жизни, как философия, имеющая непосредственное отношение к жизненным решениям, прежде всего в области морали и политики. К темам прикладной философии относят темы, имеющие общественное звучание, такие как: права животных, ложь и тайна в общественной и частной жизни, эвтаназия, проблема секса, аборт, феминизм, что пристойно и что непристойно и т. п.

Насколько правомерно употребление выражения "прикладная философия"? Не пытаемся ли мы здесь навязать философии схему деления некоторых наук на теоретические-чистые и прикладные-технические экспериментальные или схему деления искусств на чистые и прикладные? Ведь философия — особый тип культуры, не сводимый ни к наукам, ни к искусствам. Я оставляю этот вопрос открытым. Ясно одно: тематика так называемой прикладной философии целиком укладывается в русло практической философии как ее часть-раздел).

Итак, практическая философия (софология) — это философия, имеющая целью воздействовать на людей силой

мысли через посредство слова, убеждения — в процессе живого общения (консультации-беседы, собеседования, дискуссии, анализа конкретной ситуации).

Практический философ (подобно практическому психологу, психоаналитику, врачу, священнику, юристу) организует службу консультирования-собеседования-исповедания. Его задача: консультирование и собеседование по основным вопросам жизни, развития, любви, творчества, здоровья...

Если говорить более развернуто, то необходимость института практического философа диктуется следующим:

1. Философ, в отличие от представителей других профессий (психологов, врачей, юристов, сексологов, священников и т. д.), целостно рассматривает человека, во всех его жизненных проявлениях. Именно он способен разговаривать с человеком как с человеком, учитывать все аспекты человеческого бытия-опыта и как бы дирижировать всем инструментарием воздействий на человека. Психолог-психоаналитик ищет решение человеческих проблем в психике, врач — в восстановлении здоровья, юрист — в эффективном использовании законодательства и т. д. Лишь философ может оценить, какое средство следует использовать в тех или иных ситуациях. И именно он может предложить комплексное использование различных средств, т. е. координировать-дирижировать.

2. Кроме того, философ располагает таким средством решения человеческих проблем, каким не располагает профессионально ни один представитель какой-либо другой

человечески-ориентированной деятельности. Этим средством является мысль. Профессиональный философ — это человек, сделавший мышление (рассуждение, аргументацию, убеждение, критику) своей профессией. И именно он, только он, может профессионально использовать мысль-мышление в качестве средства воздействия на человека для решения его проблем.

3. Нужно иметь в виду, что философия незримо присутствует в сознании людей, хотя бы они этого или нет. Люди так или иначе обсуждают философские проблемы, не называя их философскими. Эти обсуждения большей частью невалифицированные и невежественные. Целое море псевдофилософских рассуждений можно встретить в теле- и радиопередачах, в кинофильмах, в книгах, газетах и журналах. Кроме того, многие специалисты-человековеды (психологи, врачи, юристы, священники и т. д.) помимо глубоко профессиональных разговоров и рекомендаций ведут со своими клиентами чисто философские беседы и дают советы философского характера. Они работают, по существу, на поле практической философии. Естественно, что все эти обсуждения и рекомендации в большинстве случаев оставляют желать лучшего. Ясно, что здесь должны работать философы-профессионалы. Практическая философия как раз и означает, что философ непосредственно работает с людьми, вместе с ними решает их фундаментальные вопросы жизни. Не с массами, не с аудиторией (как в случае со студентами или читателями), а с каждым желающим индивидуально! Суть практической философии именно в этом: в эксклюзивности, в адресности, в индивидуальном подходе.

4. Некоторые философы считают, что философия не должна снисходить до отдельного человека. Такой взгляд обусловлен, с одной стороны, пониманием философии как очень далекой от конкретного человека, а, с другой, пониманием проблем конкретного человека как ничтожных для философии. В том и другом случае мы имеем дело со своеобразным философским платонизмом, т. е. с абсолютизацией общего-всеобщего и недооценкой единичного, отдельного, специфического. Да, действительно, философия занимается вопросами предельной общности. Но ведь и каждый отдельный человек задумывается над подобными вопросами. Нет общего без отдельного, единичного, как нет и единичного без общего. Любой самый фундаментальный вопрос перипетиен, ситуативен, зависит от конкретной жизни конкретного человека, от его особенностей и особенностей его жизни. И, наоборот, любая конкретная жизненная проблема тысячами нитей связана с решением общих вопросов. Задача практического философа: постоянно высвечивать, проявлять эту связь общего и отдельного, связь фундаментальных философских и конкретных жизненных вопросов.

5. Введением института практических философов (софологов) возрождается хорошая древняя традиция. В античную эпоху уже был подобный институт практических философов. Это софисты, учителя мудрости, учителя жизни. Среди них были, правда, и такие, кто учил лжемудрости, пустословию, софистике. Тем не менее, изначально в деятельности софистов было рациональное зерно. Своими беседами и мудрыми советами они реально помогали людям.

Практическая философия в истории человеческой мысли. К произведениям практической философии относятся такие, которые содержат мысли о жизни, человеке, об отношении к миру, обращенные ко всем людям и имеющие практический смысл, т. е. побуждающие к действию или отвращающие от него. Эти произведения, как правило, не носят характер исследования, а содержат рассуждения, отдельные мысли и рекомендации-советы. В духе практической философии писали Конфуций, многие античные философы, М. Монтень, Ф. Бэкон, А. Шопенгауэр... К произведениям практической философии можно в известном смысле отнести книги американца Дейла Карнеги и нашего Владимира Леви.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Спорные вопросы философии

Существует ли основной вопрос философии?

Концепция основного вопроса философии — из разряда категориально-логических ошибок, именуемых монизмом.

Этой концепции придерживались философы-марксисты. Вот что писал Ф. Энгельс:

«Великий основной вопрос всей, в особенности новейшей, философии есть вопрос об отношении мышления к бытию. Уже с того весьма отдаленного времени, когда люди, еще не имея никакого понятия о строении своего тела и не умея объяснить сновидений, пришли к тому представлению, что их мышление и ощущения есть деятельность не их тела, а какой-то особой души, обитающей в этом теле и покидающей его при смерти, — уже с этого времени они должны были задумываться об отношении этой души к внешнему миру. (...)

Высший вопрос всей философии, вопрос об отношении мышления к бытию, духа к природе, имеет свои корни, стало быть, не в меньшей степени, чем всякая религия, в ограниченных и невежественных представлениях людей периода дикости. Но он мог быть поставлен со всей резкостью, мог приобрести все свое значение лишь после того, как население Европы пробудилось от долгой зимней спячки христианского средневековья. Вопрос об отношении мышления к бытию, о том, что является первичным: дух или

природа, — этот вопрос, игравший, впрочем, большую роль и в средневековой схоластике, вопреки церкви принял более острую форму: создан ли мир богом или он существует от века?

Философы разделились на два больших лагеря сообразно тому, как отвечали они на этот вопрос. Те, которые утверждали, что дух существовал прежде природы, и которые, следовательно, в конечном счете, так или иначе признавали сотворение мира, — а у философов, например у Гегеля, сотворение мира принимает нередко еще более запутанный и нелепый вид, чем в христианстве, — составили идеалистический лагерь. Те же, которые основным началом считали природу, примкнули к различным школам материализма.

Ничего другого первоначально и не означают выражения: идеализм и материализм, и только в этом смысле они здесь и употребляются. Ниже мы увидим, какая путаница возникает в тех случаях, когда им придают какое-либо другое значение.

Но вопрос об отношении мышления к бытию имеет еще и другую сторону: как относятся наши мысли об окружающем нас мире к самому этому миру? В состоянии ли наше мышление познавать действительный мир, можем ли мы в наших представлениях и понятиях о действительном мире составлять верное отражение действительности? На философском языке этот вопрос называется вопросом о тождестве мышления и бытия. Громадное большинство философов утвердительно решает этот вопрос» (Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии).

Не только марксисты придерживаются идеи основного вопроса философии. На другом полюсе философского мышления писатель-философ Альбер Камю выступил с той же идеей. Свое эссе «Мифе Сизифе» (раздел «Абсурдные рассуждения», пункт «Абсурд и самоубийство») он начина-ет словами: «Есть лишь одна по-настоящему серьезная философская проблема — проблема самоубийства. Ре-шить, стоит или не стоит жизнь того, чтобы ее про-жить, — значит ответить на фундаментальный вопрос философии. Все остальное — имеет ли мир три измере-ния, руководствуется ли разум девятью или двенадца-тью категориями второстепенно. Таковы условия игры: прежде всего нужно дать ответ. И если верно, как того хо-тел Ницше, что заслуживающий уважения философ должен служить примером, то понятна и значимость ответа — за ним последуют определенные действия. Эту очевидность чувствует сердце, но в нее необходимо вникнуть, чтобы сделать ясной для ума» (выделено мной. — Л. Б.)

Откуда А. Камю взял, что проблема самоубийства — «лишь одна по-настоящему серьезная философская про-блема»? Это надо быть абсолютно невежественным в философской проблематике.

По боку Платона, Аристотеля, Декарта, Локка, Спинозу, Канта, Гегеля и других величайших умов. Ведь они занима-лись миром как таковым, категориями как таковыми. Получа-ется по Камю, они занимались второстепенными проблемами философии, а вот он, Камю, вместе с Ницше, Шопенгауэром, Кьеркегором, Ясперсом занимается стоящим делом — пробле-мой самоубийства, жизни на грани смерти. Категории, катего-

риальный анализ — эта высшая математика философии — для Камю второстепенное дело философии. Какое убожество мысли и духа!

Камю, как и некоторые другие философы, просто «помешался» на теме смерти. Он даже позитивные идеи излагает в обертке этой темы. Вот два примера:

«...Умирать имеет смысл только за свободу, ибо лишь тогда человек уверен, что он умирает не целиком» (эта фраза помещена на последней странице обложки под портретом А. Камю русского издания сборника его произведений «Бунтующий человек». — М.: Политиздат, 1990).

Или: «Большинство из нас — как у меня на родине, так и в Европе — отринуло этот нигилизм и перешло к поиску нового смысла жизни. Им пришлось освоить искусство существования во времена, чреватые всемирной катастрофой, чтобы, возродившись, начать ожесточенную борьбу против инстинкта смерти, хозяйничающего в нашей истории» (из речи от 10 декабря 1957 г. по случаю получения Нобелевской премии).

Тяжело читать Камю. Жизнь перед лицом смерти, убийство, самоубийство — в самых разных ракурсах. Чаще всего в связке с другой негативной темой — темой абсурда. Как будто нет других тем. Как будто человек только и думает о смерти и абсурде. Много чести — сверлить мозг этими темами! Если мы рассматриваем тему жизни в ее отношении к смерти как самую важную философскую тему, то этим волевым образом обесцениваем саму жизнь, выводим за скобки всё ее внутреннее содержание, т. е. всё, что происходит внутри

жизни, от рождения до смерти. Мы в таком случае перестаем нормально воспринимать жизнь, не саму ее, а лишь ее границу и фактически становимся пленниками этой границы-смерти. Вспоминается в этой связи высказывание Спинозы: «Человек свободный ни о чем так мало не думает, как о смерти, и его мудрость состоит в размышлении не о смерти, а о жизни» (Этика // Спиноза Б. Избранные произведения. Т. 1. М., 1957. С. 576). В самом деле, свободный человек думает не о смерти, а о жизни. А тот, кто постоянно думает о смерти — по-настоящему ее пленник, т. е. несвободный человек.

Что такое философские утверждения?

Люди говорят много разных вещей. В основном на темы повседневной жизни. Реже говорят на темы, связанные с их работой, профессией. Еще реже на отвлеченные темы. И вот во всех этих случаях они время от времени делают утверждения, носящие отчетливо философский характер, философские утверждения. Делать философские утверждения — отнюдь не прерогатива философов. Этим практически занимаются все. Возьмем, например, утверждение политолога С. А. Караганова «Человек несовершенен». Это утверждение очевидно философское. Оно касается такого предмета как человек вообще. Получается, философия незримо присутствует в виде подобных высказываний везде и всюду, в дискуссиях и текстах разных людей, и простых, и непростых.

Когда говорят о мире вообще, бытии-небытии, о жизни, человеке вообще, о добре и зле, как таковых, о пространстве, времени, то и возникает феномен философского.

Одним словом, этот феномен возникает всякий раз, когда в утверждениях явно или не явно присутствуют местоимения типа «всё, все, весь, везде, всюду, всегда». Явно присутствуют указанные местоимения, например, в таких утверждениях: «всё относительно», «подвергай всё сомнению», «всюду жизнь», «всё имеет свою причину», «ничего случайного не бывает».

Обычно философские утверждения делаются в подкрепление каких-то частных тезисов, в оправдание или в осуждение чего-либо.

Вот как рассуждал С. А. Караганов.

Его спросили: «Кто завел такое правило, что политика — это грязное дело? Не старое ли поколение политиков довело политику до того, что политика грязное дело?»

— Вы знаете, человек несовершенен и управлять им... особенно... это довольно тяжелое дело. Чтобы эффективно управлять, приходится использовать все методы. Старшее поколение приблизительно началось где-то четыре тысячи лет тому назад, когда зародилась политическая власть в ее нынешнем виде (...) поэтому, старики, конечно, старики в общем... все это нам навязали, но что делать, но это чело-век, человек несовершенен» .

С помощью тезиса «человек несовершенен» Караганов пытался обосновать-оправдать и мнение, что «политика — грязное дело» и представление о том, что «цель оправдывает средства», говоря «чтобы эффективно управлять, приходится использовать все методы».

Истинность философских утверждений нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Их можно как-то обосновать или подвергнуть сомнению, критике, но не больше.

Философские утверждения подобны аксиомам или постулатам. Они либо принимаются, либо не принимаются, т. е. с ними соглашаются или не соглашаются.

Философия помогает формировать убеждения и, если нужно, выправлять их

Общая цель учебных занятий по философии: привить студентам любовь к философии или, по крайней мере, заинтересовать их философскими проблемами, чтобы они почувствовали вкус к философии, поняли ее необходимость для себя и чтобы они научились размышлять по-философски (абстрактно и глубоко), анализировать, рассуждать, обобщать.

1. Начну с экзаменационных вопросов по философии. Именно они ориентируют в том или ином направлении и поведение студентов, и поведение преподавателей, задают тон всему образовательному процессу, определяют требования ко всем участникам этого процесса. В советское время экзамен по философии ориентировал почти исключительно на проверку знания, точнее на оценку степени усвоения некоторой суммы сведений в области философии (по истории философии и по марксистской философии).

На экзаменах по философии нужно не только проверять наличие некоторой суммы знаний у студентов, но и их способность к философскому мышлению, к философствованию. Поэтому наряду с вопросами по курсу философии,

нужно задавать студентам задачи и упражнения по философии.

Главное, на экзаменах надо выяснять, насколько студент заинтересовался философией и насколько он способен к дальнейшему самообразованию и развитию как философ. Конечно, не надо делать из студентов профессиональных философов. Но нужно, безусловно, привить им навыки сознательного философствования, поскольку в жизни перед ними всегда будут стоять вопросы философского масштаба.

2. Соответственно и лекции по философии должны быть ориентированы не столько на ознакомление студентов с философией, сколько на возбуждение и поддержание у них интереса к философии и философским проблемам. Лекции должны стать настоящей лабораторией мысли, настоящим размышлением философа вслух.

3. На семинарских занятиях нужно отказаться от порочной практики студенческих докладов (четыре-пять студентов выступают в течение занятия, а остальные только слушают, как на лекции). Доклады возможны, но как одна из форм работы студентов на семинарских занятиях. Нужно устраивать дискуссии, диспуты, побуждать студентов к тому, чтобы они сами задавали вопросы и пытались на них ответить.

4. Преподаватель философии, если он действительно преподаватель:

а) вкладывает душу в свой предмет, выкладывается на лекциях и семинарских занятиях по полной программе (на полную катушку). Он, как правило, выходит из аудиторий как выжатый лимон;

б) всегда в какой-то мере артист. Его лекции и семинары отчасти похожи на спектакли и представления.

5. Студент должен проявить умственную и познавательную скромность, на время «забыть» о своих убеждениях и знаниях по философии или, по крайней мере, отодвинуть их на задний план сознания. В мир философии можно войти лишь при условии, если смиренно преклонишь голову. «Если хочешь учиться — будь готов считаться дураком и тупицей» (из кинофильма).

6. Знание нужно подавать в обертке мысли. Это должен делать и преподаватель (в лекциях), и студент на семинарских занятиях и в письменных работах. «Чтобы переварить знания, нужно поглощать их с аппетитом», — говорил А. Франс. А чтобы знания поглощались с аппетитом, нужно, во-первых, преподавателю подавать их «с чувством, с толком, с расстановкой» и, во-вторых, у студентов должен быть хороший аппетит, т. е. желание учиться, поглощать знания.

Философы порой напоминают начинающих или плохих ездоков на лошади...

Философы порой напоминают начинающих или плохих всадников на лошади: сползают то на правый, то на левый бок, то вперед, к шее лошади, то назад, к ее крупу.

Наши мысли — скакуны, как поется в одной песне. И они могут понести нас не в ту степь. Посеешь мысль — пожнешь поступок, посеешь поступок — пожнешь привычку, посеешь

привычку — пожнешь характер, посеешь характер — пожнешь судьбу!

Ницшеанское отвращение к норме и нормальному или узость нефилософского, некатегориального мышления

В книге-памфлете “Ф. Ницше — Гитлер философии” я говорил о том, что Ницше — певец аномального, всего, что отклоняется от нормы-середины вплоть до патологии. Как же он понимает норму?

Вот как отвечает на этот вопрос Ю. Н. Давыдов в книге “Этика любви и метафизика своеволия”. Сопоставляя точки зрения Ф. Ницше и Ф. М. Достоевского, он пишет:

«Совесть согласно Ницше не должна мучить “злого человека”, коль скоро он совершил то или иное преступление. Оно простое проявление того факта, что индивид, его совершивший, — “сильный человек”, а потому не может не преступить “норму” — нравственную или правовую, ибо она создана по мерке “средних”, то есть “слабых” людей». «Вопрос в ницшеанской формулировке, — продолжает Ю. Н. Давыдов, — стоит так. Либо реабилитируется преступление “как таковое”, как нарушение “границы” и “меры”, совершаемое ради самого этого нарушения... Либо преступление не реабилитируется, и объектом общественного презрения остается преступник, “гений”, как преступающий любую меру и границу... Нравственные нормы, моральные установления продолжают сковывать “сильных людей”, способствуя их вырождению в банальных нарушителей закона и порядка». Ю. Н. Давыдов, естественно, на стороне Ф. М. Достоевского: «Как бы предчувствуя появление теоретиков ницшеанского типа, Достоевский (как и Тол-

стой) все время стремится доказать и показать именно не “потусторонность”, а “посюсторонность” идеального (= морального, этического) измерения человеческого существования, без которого это существование неизбежно перестает быть не только человеческим существованием, но и существованием вообще... он считал моральное измерение присущим человеку изначально, как некое существенное свойство, без которого вообще невозможно человеческое общежитие. Мораль в этом смысле и есть способность человека к общежитию, бытию-совместно-с-другими.

Поэтому то, что представляется немецкому философу “физиологическим вырождением”, “декадансом”, с точки зрения Достоевского (как и Толстого) есть норма (курсив мой. — Л. Б.); свойство, без которого человек не может считаться вполне нормальным. Без прочных моральных устоев (убежденности в абсолютности абсолютов и истинности моральных истин...) согласно Достоевскому невозможно нормальное существование не только общества в целом, но и каждого отдельного человека. Их разрушение неизбежно ведет к болезни человеческого духа, которая, как показывает русский писатель, чаще всего переживается как душевная, а подчас и телесная болезнь».

Ф. Ницше понимает социальную норму слишком примитивно, как нечто среднее, усредненное, скроенное по мерке “среднего”, “маленького” человека. На самом деле социальные нормы так же сложны, многообразны, вариативны, как и нормы, обеспечивающие здоровье отдельно-го человека. Они рассчитаны и на “маленьких” людей, и на “больших”. С точки зрения социальных норм гению вовсе не

нужно быть злодеем, чтобы проявить свою гениальность. Более того, гений и злодейство — две вещи несовместные. Здесь, безусловно, прав А. С. Пушкин. В самом деле, что такое гений? Это творческая, а, значит, созидательная, конструктивная способность. Злодейство же, любое злодейство — это, безусловно, разрушительное, деструктивное деяние. Гений не разрушает, а созидает. Зло не созидает, а разрушает. Не случайно то, что литературные образы-символы зла — гётевский Мефистофель и лермонтовский Демон — несли с собой смерть и разрушение. В частности, Мефистофель погубил Маргариту, а Демон — Тамару.

Если гений и злодейство порой и соединяются в одном человеке, то это говорит не об их совместимости, а о двойственности данного человека как личности.

Ницшеанский взгляд на норму имел продолжение. Еще А. П. Чехов подметил это пристрастие некоторой части интеллигенции ко всему аномальному. Вот фрагмент его рассказа:

«— А почему ты знаешь, что гениальные люди, которым верит весь свет, тоже не видели призраков? Говорят же теперь ученые, что гений сродни умопомешательству. Другой, здоровый и нормальный только заурядный, стадный человек. Соображения насчет нервного века, переутомления, вырождения и т. п. могут серьезно волновать только тех, кто цель жизни видит в настоящем, то есть стадных людей.

— Римляне говорили: *mens sana in corpore sano* (в здоровом теле здоровый дух).

— Не все то правда, что говорили римляне или греки. Повышенное настроение, возбуждение, экстаз — все то, что отличает пророков, поэтов, мучеников за идею от обыкновенных людей, противно животной стороне человека, то есть его физическому здоровью. Повторяю: если хочешь быть здоров и нормален, иди в стадо».

Так отвечал призрак черного монаха находившемуся в галлюциногенном бреду Коврину. Последний — герой рассказа А. П. Чехова “Черный монах”. Писатель отобразил в этих немногих фразах позицию известной части интеллигенции, зараженной ядом ницшеанской философии. Он, как видим, негативно относился к такой позиции. А вот уже его младшая современница, писательница Зинаида Гиппиус презрительно отзывалась о Чехове: “Он слишком нормален”. К сожалению, этот дух ницшеанства распространился в XX веке как зараза. До сих пор он дает о себе знать во многих явлениях культуры...

Вот что я услышал в американском кинофильме “Практическая магия”. — Тетя учит племянницу: “Когда ты, наконец, поймешь, что нормальность не есть добродетель, а отсутствие мужества”.

А вот что можно прочесть о норме в книге психолога М. Норбекова: “Норма — это то, что принято большинством, не так ли? Она скручивает человека в бараний рог, загоняет в раз и навсегда кем-то установленные рамки, перекрывает пути к творчеству. Это болото, где погибают, не успев

пробудиться, будущие гении, титаны, творцы. Потому что все заранее предписано, кто и как должен себя вести” .

Это крайне поверхностное и поэтому несправедливое суждение о норме. Оно демонстрирует узость нефилософского, некатегориального мышления. Если бы М. Норбеков хоть немного подумал над тем, что норма это не только и не столько то, что принято большинством, а мера живого и человеческого, что без нее человек и шагу не может сделать в этом мире, что всё, что он делает и всё, чем он дышит и живет, основывается на норме. Взять хотя бы здоровье. Это же ведь норма, нормальное состояние человеческого организма и человеческого духа! Вы можете себе представить, что здоровье, являющееся одной из частных форм нормы, — “болото, где погибают, не успев пробудиться, гении, титаны, творцы”? Абсолютная чушь. И вот эта чушь тиражируется сотнями тысяч экземпляров и как яд отравляет сознание и душу миллионов людей.

Некий авангардист заявил на выставке изобразительного искусства в Лондоне: “Всё должно быть чересчур. Кто не понимает этого, тот мещанин” .

Беспринципный плюрализм постмодернизма

Постмодернисты, чураясь-избегая всяких канонов, стандартов, монизма, единства, абсолютизма и т. п., бросаются в другую крайность, а именно, в крайность плюрализма, хаоса, аномального, релятивизма .

В. Т. Третьяков, журналист, в программе «Что делать?» (телеканал «Культура») привел такую язвительную байку на

тему о безбрежном-беспринцип-ном плюрализме постмодернизма: «Постмодернист — это тот актер, который сегодня играет преступника в криминальном телесериале, а завтра, выступая по другому телеканалу, говорит, что-то у нас много преступности и мои дети не могут спокойно ходить по улице».

Постмодернизм — новый вариант умеренного иррационализма, весьма размытое, широкое направление мысли. Он причудливо соединяет линию философии жизни-экзистенциализма и фрейдизм. К адептам постмодернизма можно отнести таких философов, как Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Бодрийяр, Ж. Делёз, Ж. Деррида, М. Фуко.

Постмодернизм явно односторонен, поскольку, во-первых, выводит за скобки всю предшествующую философию, нарушая тем самым принцип преемственности, и, во-вторых, опирается исключительно на художественную культуру и некоторые гуманитарные дисциплины (психологию, психиатрию, лингвистику). Он игнорирует методологию, наработанную естественными науками, математикой и тем направлением философии, который ориентируется на указанные науки и вообще на науку. Постмодернисты явно не любят точное знание, игнорируют достижения научно-технической мысли.

Постмодернизм — глупая претензия на исключительность. Называя всё, что было до него «модернизмом», он противопоставляет себя этому всему. Чисто подростковый подход: отрицать, крушить, ломать всё, что было до тебя или

сделано не тобой, другими. Это такая же глупость, как если бы человек решил отказаться от сердца, легких, головы на том основании, что это всё — старое, тривиальное, надоевшее, что это из прошлого, «от предков», не ново и т. д. и т. п.

Стоит заметить: постмодернизм в своем безбрежном плюрализме отнюдь не нов. Уже в начале XX века распространялись подобные взгляды. В. Б. Губин пишет, что плюралистский подход «обеспечивает также возможность всегда оправдать свое собственное поведение. В одной критической статье в связи с пьесой Горького “Мещане” Лео-нид Андреев приблизительно так характеризует нового по тому времени, “прогрессивного” мещанина из купцов: Петр не был так заскорузло нетерпим к чужим мнениям, как его отец; он не только допускал, но и уважал чужие мнения, чтобы иметь возможность пожать руку и мерзавцу. В настоящее время такой методологический трюк является одной из основ респектабелизации разных уродств человеческого общества и личного поведения...»

Я убежден: современный философ должен быть универсальным мыслителем и учитывать в своих философских построениях по возможности весь человеческий опыт.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Из переписки по поводу философии

Преподавание философии в вузах

Беседовал со старым товарищем Анатолием З. Он давно уже доктор наук, профессор, издал много книг по менеджменту. К сожалению, от философии совсем отошел и говорил о ней с некоторым пренебрежением, мотивируя это тем, что сейчас в сфере образования востребованы предметы, готовящие человека к конкретной профессии-специальности. А философия якобы никому не нужна, в образовательной политике господствует прагматизм. Так он говорил. Я пытался возражать, ссылаясь на значимые для каждого человека философские вопросы о смысле жизни, о добре и зле и т. д. Он мне в ответ: этим занимается религия. Если нужно человеку разобраться в этих вопросах, то он идет в церковь, в храм, обращается к священно-служителю. Я сказал, что у священнослужителей, как правило, на все вопросы готовые однозначные простые ответы (вроде «Бог так сотворил»), а такие ответы далеко не всех устраивают. Верующие-фанатики, может быть, и ограничатся этими ответами. Но их немного. Основная масса верующих, особенно верующих студентов, пытается глубже разобраться в вопросах бытия, и здесь как раз нужна помощь философов. Толя согласился с этим доводом. Однако он продолжал твердить насчет ненужности философии в современной системе образования, что в ней господствует прагматический подход и учебные программы по философии сокращаются. Да, действительно, по сравнению с советским периодом учебные программы по философии по-уменьшились. Но можно ли однозначно

утверждать, что это следствие прагматизма нынешних руководителей образования? Я думаю, нет. Одна из основных причин такого положения с преподаванием философии — консерватизм многих преподавателей философии. Государственная марксистско-ленинская философия, которую преподавали в советское время, во многом была оторвана от жизни, от земли, подавалась преимущественно как собрание цитат из трудов классиков марксизма-ленинизма плюс комментирующие тексты и разъяснения. И сейчас многие преподаватели философии в неявном виде продолжают эту линию. Например, рассуждают о так называемых законах диалектики. Или говорят о первобытнообщинном строе, воспроизводя в известном смысле марксистскую схему исторического процесса. В итоге — осознанное или полусознанное отторжение такой философии в сфере образования со стороны руководителей. Такое поведение капитанов образования, конечно, близоруко. Вместе с водой выплескивают из ванны и ребенка. Надо не сокращать учебные программы по философии, а менять состав преподавателей философии, готовить новые кадры философов, свободных от марксистско-ленинских штампов... Я уверен: пройдет это время относительного пренебрежения философией. Россия — огромная страна по территории-населению, и она обречена быть философской страной. Необъятные просторы России в значительной мере обуславливают широту русского характера. А широта характера сопряжена с широтой мышления. А это уже чисто философская черта. Человек широкомыслящий — безусловно стихийный философ. Не помогать ему дальше образовывать себя в философском плане — нонсенс.

О философии, этике и переменах в мире

Константин из Кировограда прислал мне («ВКонтакте») такое письмо:

Здравствуйте, Лев, мне интересно ваше мнение — изменились ли проблемы философии с переменами в мире? Стали ли они отражать проблемы этики?

Я ответил ему:

Уважаемый Константин! Философия всегда занималась проблемами этики, поскольку этика — ее органическая часть. Правда, есть и были некоторые философы и даже философские направления (например, позитивизм), которые либо совсем игнорируют проблемы этики, либо кастрируют их и истолковывают в сциентистском духе или как какие-то технические проблемы.

Насчет перемен в мире. Перемены всегда были (мир изменчив), и философия, конечно, реагирует на перемены. Только как? Не так, что всё старое, всё прошлое отменяет и начинает, так сказать, с чистого листа. Философия рассматривает всё как бы с высоты птичьего полета и, в частности, оценивает наше время как время в ряду других времен, всей истории человечества и даже истории мира. Проблемы философии, с одной стороны, вечные и неизменные, а с другой — конкретные, ситуативные и поэтому меняющиеся. Вот, например, мои книги и тексты (см. раздел «Книги, изданные автором». — Ред.). Они обо всём: я говорю и на вечные темы, и на злобу дня. Философ ведь — универсальный мыслитель!

Частные и общие вопросы в философии

Из письма Сергею Дрогунову:

Вы обсуждаете со мной частные вопросы, в том числе вопрос о судьбе человечества. Эти частные вопросы имеют под собой определенную методологию или технологию их анализа и обсуждения. Это примерно так же, как если бы Вы захотели проверить правильность расчета кассира в магазине, а для этого нужно знать правила арифметики. Если не знаете правил арифметики, то не сможете проверить правильность расчета кассира. Так и с частными философскими вопросами. Невозможно грамотно их разобрать, если не владеешь категориальной логикой, т. е. если не владеешь категориальным аппаратом философии (например, о соотношении качества и количества, возможности и действительности, необходимости и случайности, порядка и беспорядка, равенства и неравенства и т. д. и т. п.).

Мысль индивидуальна?

Нат Арт Ант в рецензии на мою статью в «Проза.ру», разбирая вопрос о коллективизме и индивидуализме, бросила фразу: «Мысль индивидуальна».

Как мне представляется, мысль чисто индивидуальной не бывает. Индивидуального без коллективного, частного без общего, единичного без всеобщего НЕ СУЩЕСТВУЕТ! В том-то и дело, что философские вопросы, темы по-тому являются ФИЛОСОФСКИМИ, что они всегда рассматриваются в координатах более общих категорий. А иначе это

беллетристика-эссеистика в худшем смысле слова, это бла-бла, ля-ля, это разговор ни о чем. На частном уровне, от явления к явлению можно говорить миллион вещей, и все они или почти все будут, образно говоря, «пальцем в небо» или просто ЛОЖНЫМИ.

Переписка с Денисом Романюком по поводу
практической философии и Ф. Ницше

Денис:

Здравствуйте, я прочел ваши книги “Философия”, “Занимательная философия” и читаю “Практическую философию” хотя, несмотря ни на что — не вижу смысла выделять из философии практическую философию, в то время как уже есть этика и психология...

Сам я учусь на экономическом, но давно уже потерял к экономическим наукам интерес, и все более тяготел к философии. Записывал мысли в афористическом стиле, потом прибавилось пару эссе, и получилась небольшая книжечка в 130 стр. Мне интересно пообщаться с настоящим философом, хоть и некоторые ваши взгляды, я не разделяю. Но как говорил Вольтер: “Ваше мнение мне глубоко враждебно, но за ваше право его высказать я готова пожертвовать своей жизнью...”. Я делал некоторые заметки в книге “Занимательная философия” особенно в разделе “Мозаика философской глупости”. Я считаю мысли, которое логически правильны, имеют под собой фак-ты, не могут называться глупыми, какие б они ни было злые или жестокие это еще не доказательства их

неверности. Ну, я понимаю, что вы оцениваете эти мысли с практической стороны, и, если такие высказывания как “Любовь — это клиническая форма жизни” или Ницше: “Смерть является более значимым моментом, чем жизнь”, “Мораль — это важничанье человека перед природой” могут принести вред — значит они глупые... Значит я более теоретический философ — не люблю ограничивать мысль даже практическими следствиями этих мыслей. Кроме того, мысли, которые неприятны, могут быть истинными, как говорил Публий Сир: “Для спасения человека можно причинить ему и боль”. Но это все такое... я бы хотел узнать, если вам не трудно ответить, с каких лет вы начали писать? И кто из философов являются вашими “фаворитами”?)

Ответ:

Денис, спасибо за то, что написали мне. Ваш отклик для меня драгоценен, пусть он даже не вполне позитивен.

Очень рад, что Вы читаете мои книги. Жаль только, спешите Вы с выводами.

В частности, Вы, наверное, не до конца дочитали мою «Практическую философию». А я объясняю, почему содержание практической философии не может покрываться этикой и психологией. Психологию Вы вообще тут зря упомянули. Психология — наука и она имеет свой конкретный эмпирический базис, как любая другая наука, в виде психологических наблюдений, измерений и экспериментов. У философии нет такого базиса, потому что она не наука. Это принципиально другой тип культуры. Любая современная наука так или иначе опирается на наблюдения и

эксперименты, имеет конкретную технологию научного поиска и открытия, в частности технологию измерений. Философия же не имеет подобной технологии и не опирается на конкретные наблюдения и эксперименты. Философия опирается на весь базис человеческих знаний, личного и всечеловеческого опыта. И, кроме того, она опирается на весь мыслительный, эмоциональный, ценностно-практический багаж человека и человечества. Поэтому она не наука в современном понимании. Я об этом писал и в своем учебнике по философии и в отдельной книге «Что такое философия?» Как-то сопоставлять практическую философию и психологию — некорректно. У них могут быть сходные вопросы, но принципиально разные подходы, разные инструменты рассмотрения и анализа. Философствование — это размышление и только размышление. А современная психология — прежде всего научные (психологические) исследования, ориентированные, повторяю, на рассмотрение конкретных психологических фактов с использованием вполне конкретных методов и методик. Потому между практической философией и практической психологией большая разница, как говорят в Одессе. Практическая психология в ее нынешнем виде опирается отчасти на результаты психологических исследований и гипотезы, отчасти на размышления философского характера. Вот последняя часть и вводит в заблуждение некоторых людей.

Я говорил в своих книгах, что люди разных специальностей (прежде всего психологи, психоаналитики, священнослужители, врачи) работают нередко на поле практической философии. И это печально, потому что порождает дилетантизм и философский, и в указанных областях.

Ваше выражение «не вижу смысла выделять из философии практическую философию» обнаруживает в Вас самоуверенность-самонадеянность, как будто Вы профессиональный философ и хорошо разбираетесь в предмете.

А насчет якобы логически правильных суждений, которые я критикую в разделе «Мозаика философской глупости» — Вы заблуждаетесь. Во-первых, они парадоксальны и, значит, далеки от того, чтобы быть логически правильными. Во-вторых, я оцениваю мысли человека не только в координатах «логически правильные-неправильные», а в гораздо более широком контексте. Почитайте мою книгу «Как мы думаем?»

И насчет «не люблю ограничивать мысль даже практическими следствиями этих мыслей». Это просто опасная фраза. Человек с таким умонастроением может пойти на преступление. У Вас нечеткая нравственная и, шире, экзистенциальная позиция. От такой нечеткой позиции могут быть беды в Вашей жизни. Разберитесь, пожалуйста! Я своим студентам постоянно объясняю вред шатких убеждений или отсутствия убеждений. Почитайте, пожалуйста, еще мою книгу «Либерализм и свобода». Мне кажется, Вы заражены этой гнилой западной философией ультралиберализма, когда свобода понимается как нечто безбрежное, не знающее ограничений. Запомните: всё имеет свою меру. И выход за пределы меры только тогда оправдан, когда к мере как таковой относятся с должным уважением.

Л. Балашов

Денис:

Да, я действительно не дочитал еще вашу практическую философию, ваша открытая неприязнь к Ницше немного меня тормозила... С вашего дозволения я предамся, в силу своей нелепости — немного нелепыми рассуждениями. Но не только психология имеет эмпирический базис я считаю все практическое, должно иметь и эмпирический базис, и прикладной характер, проверяться на опыте, а если практическая философия не побуждает к практике к действиям, то это все те же теоретические размышления. Я еще забыл прибавить к этике и психологии еще религию как альтернативу практической философии. Ведь она тоже основывается на рассуждениях, а их выводы религия преподносит как нормы поведения...

Я не очень самоуверенный в своих знаниях с философии, но я общался с студентами философского университета, они не прочли и половину того, что мне удостоилось прочитать, но это конечно не показатель, и истинно бы хотел быть профессиональным философом...

Беда в том, что у меня это убеждение не шаткое, я возвел аморализм и нигилизм в принцип философии, хоть, в конце концов, для благородной цели...

Хотя иногда меня терзают сомнения, насчет выбранного пути, но они не продолжительные.

Денис:

Здравствуйте, извините, что я пишу вам, но мне больше не с кем поделиться теми мыслями, и идеями, которые по всей видимости относятся к философским... По причине социальных факторов, я не смог заняться своим любимым делом — изучением философии...

Да, я считаю нигилизм — основой философии, так как сам процесс мышления является сомнением тех или иных утверждений. Человек, который не сомневается, а принимает все на веру, является интеллектуальным рабом. Мысль б не имела возможности развиваться, если б ей не предшествовало «отрицание», отрицание истинности и ценности социальных представлений. Нигилизм — это отрицание, и с этой позиции каждый философ в той или иной мере является нигилистом, так как утверждая, что-то он не минуемо отрицает противоположную точку зрения...

Я посылаю вам свою первую книгу. В последнее время меня мучают сомнения, и я переживаю ту стадию, когда мне кажется, что лучше оставить это занятие. Кроме этой книги, я написал еще две. Эта книга является сборником моих эссе, которые затрагивают разные аспекты человеческого бытия и со всех сторон описывает мое видение существования. <...>

Вторая книга, которую я вам тоже скину немного позже, является сборником моих афористических мыслей в стиле Ницше их числится 200 штук. <...>

Третья книга, которую я вот-вот закончу, является как бы самоучителем философии. Она называется «Повествования о любителях мудрости». В ней я не отрываю философию от философа, описываю возможные характеры философов, стили

их речи, мышления, даю краткий курс логики, как науки, вспоминаю самых известных философов, и привожу толкование самых необходимых философских терминов.

В замыслах у меня есть еще одна книга, которая будет называться «Релятивистская позиция в философском нигилизме». Но как я сказал, я сомневаюсь уже в надобности продолжать писать и вообще рассуждать над философскими проблемами, я не попал в нужное окружения и сейчас являюсь отстраненным от своих ровесников и даже немного асоциальным, что оставляет след на моей философии.

Буду вам признателен, если вы обратите на хотя бы маленькое внимания на этот мой труд, я предоставляю вам эту книгу на справедливы суд, уповая на снисходительный приговор...

Ответ:

Здравствуйте, Денис! Спасибо за письмо. Очень хорошо, что Вы продолжаете заниматься философией и даже пытаетесь высказаться. Однако, я вижу, Вы продолжаете «гнуть свою линию». Меня расстраивает, что Вы никак не эволюционировали и ничего из моего не восприняли. Ваше письмо это показывает. Зачем я Вам нужен? Мои замечания Вы игнорируете.

Предупреждаю: Ваше ницшеанство (и нигилизм) может погубить Вас. Если Вы думаете, что Ваши мысли никак не влияют на Вашу практическую жизнь, то глубоко ошибаетесь. Знаете, где Ницше окончил свои дни жизни?!

Посмотрел Вашу подборку цитат на странице ВКон-такте. Она удручает. Удаться можно от такого восприятия жизни. Всё наперекосяк, всё невпопад! Эта попытка всё перевернуть вверх дном... Просто опасаюсь за Вашу жизнь.

Обращаю Ваше внимание на досадные грамматические ошибки в Ваших текстах. Они сильно портят впечатление. Вы ухитрились даже сделать ошибку в названии Вашей работы: вместо экзистенциальный пишете «экзестенциальный». Экзистенциальный от латинского слова экзистенция (существование). Для человека, немного разбирающегося в философии, это абсолютно недопустимая ошибка.

Я постараюсь почитать Вашу работу, хотя мне это будет нелегко сделать. Потом отвечу.

Продолжайте писать мне. Может быть, из этого что-нибудь выйдет.

С уважением Л. Балашов

Денис Романюк:

Я с вами согласен, в своей третьей и четвертой книгах я попытаюсь отойти от своих мрачных мыслей и заняться другими проблемами. Нельзя чтобы мой пессимистический характер оставлял след на моей философии, надо быть более объективным... Но мне все равно будет нравиться Ницше, он создал уникальное своеобразное мировоззрение и даже мироощущение. Я помню те вечера, когда я читал его книги... я знаю как он закончил, но меня это не пугает, он заплатил свою цену за свои бессмертные шедевры...

Но меня интересует не только он, все философы от античных представителей милетской школы, до Делеза и Дерриды составляют круг моих интересов.

Последнее время я не так уже «проповедую» нигилизм, я вот хочу улучшить новый вид умозаключения, под названием «абдукция», считаю его более эффективным, чем дедукция и индукция.

Я хочу написать самоучитель философии, чтобы было интересно всем, и каждый мог бы начать философствовать по-своему, используя хотя бы для начала афоризмы... Еще меня мучает идея создания универсального языка философии, как хотел сделать это Лейбниц.

А еще мне не нравится, что у нас в университете нет просто философской кафедры, а есть только философско-теологическая, там уклон более всего на средневековую фило-софию так как именно там более всего соединяется философия с теологией...

Да, с словом «экзистенция» вышло не удобно, по ходу там в книге, эта ошибка еще часто будет встречаться)

Я благодарен вам, что вы при всем этом моем нигилизме и грамматических ошибках не отвернулись от меня, там есть не только нигилизм, а во второй книге его почти нету, потому, я поспешу сегодня к вечеру скинуть вам вторую, а над третьей мне еще надо поработать...

Денис! Я посмотрел Ваши «Очерки». С одной стороны хорошо, что Вы пытаетесь писать большие тексты. С другой,

вынужден констатировать: очень много грамматических ляпов (в частности, стилистических ошибок) и серьезный философ просто не будет читать Ваши тексты. Я, например, с большим трудом прочитал несколько абзацев на выбор. Текст, прямо сказать, нечитабельный. Займитесь срочно выправлением ошибок. Если не хватает образования, подучитесь. Относитесь к себе более строго, с большей долей самокритики.

Ваше положительное отношение к Ницше по-прежнему препятствует нашему с Вами диалогу. Вы, кста-ти, перенимаете у Ницше и легковесный стиль писания...

У Вас, безусловно, есть способности, но нужно еще много-много работать.

И еще. Я вот думаю: как нам продолжить диалог? Может быть, имеет смысл посылать мне сверхкороткие тексты из двух-трех абзацев в форме тезиса и аргументации или в форме вопросов ко мне. А я буду по мере возможности комментировать и отвечать на Ваши вопросы. Только постарайтесь не делать грамматических ошибок.

С уважением, Л. Балашов

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Академия философии (проект)

...Каждый народ тем более граждан-ствен и образован, чем лучше в нем философствуют; поэтому нет для государства большего блага, как иметь истинных философов.

Рене Декарт

Зачем нужна Академия философии?

Интеллигенция, интеллектуалы — мозг, разум нации. Философы — это мозг мозга, разум разума. Недостаточное внимание к философам со стороны общества приводит к тому, что сдерживается или тормозится интеллектуальное развитие общества.

Сон разума рождает чудовищ. Пренебрежительное отношение к философии и философам — состояние, близкое к сну разума. Россия до сих пор испытывает чудовищные потрясения. Не от того ли, что она помимо всего прочего пребывает в философской спячке, не имеет развитой философской культуры?! Могут сказать: у нас есть история русской философии, имеются десятки выдающихся имен, работают тысячи философов-профессионалов. Да, всё это хорошо, но недостаточно! Философия и в царской, и в коммунистической России развивалась под неусыпным оком государства. Отсюда ее религиозная ориентированность в дооктябрьскую эпоху и марксистско-сциентистская — в

послеоктябрьскую. Не создано ни одной фило-софской школы. Великая Россия... но без великих фило-софов, без великих философских традиций-стандартов. Разве это не грустно? Сон разума рождает чудовищ.

Нам, философам, недостаточно издания книг, журна-лов, преподавательской деятельности в университетах, ву-зах, средних учебных заведениях, чтобы полноценно раз-виваться, творить, активно и мощно влиять на общество и культуру. Постоянно действующее самостоятельное фило-софское учреждение — вот что нужно нам, России, всему человечеству. Философия как особая отрасль человеческой культуры должна обрести, наконец, свои собственные учреждения, институционализироваться.

Академия философии, независимая от государства, науки, религии, могла бы послужить делу институциализа-ции философии.

Академия философии должна стать первым самостоя-тельным философским учреждением в России. Ее создание не приведет автоматически к возвышению философского разума в нашей стране, но послужит мощным импульсом к его развитию.

Теперь конкретно о том, какой мне видится Академия философии. Изложу сначала по пунктам цели и задачи Академии.

Цели и задачи Академии

1. Академия создается с целью институциализации фи-лософии, обеспечения ее независимого существования,

развития как отрасли человеческой культуры, возвышения в глазах общества.

Девиз Академии — философия должна существовать как самостоятельная отрасль культуры, независимо от государства, науки, религии.

[Независимость Академии философии от государства не означает, что она будет действовать как изолированное учреждение. Деловые контакты с государственными учреждениями, финансовая и иная помощь от государства вполне возможны. Независимость Академии будет обеспечивается отсутствием ее односторонней зависимости, наличием различных, независимых друг от друга спонсоров-доноров.]

Академия должна положить начало в России первой философской школы, т. е. одна из целей Академии — возрождение древней традиции философских школ, как это было в античную эпоху. Основанная Платоном Академия существовала почти 900 лет, с 348 г. до н. э. до 529 г. н. э. Основанная Аристотелем Перипатетическая школа также просуществовала с перерывами несколько сот лет. В итоге мы имеем замечательную европейскую культуру. Здесь можно провести аналогию между древними олимпийскими играми и возрождением их в нашу эпоху на новой основе. Теперь олимпийское движение — одно из величайших явлений человеческой культуры. Как и олимпийское движение, традиция философских школ должна быть возрождена и развита!

2. Провозглашается и реализуется философский плюрализм, свободомыслие. Философы не признают никаких

авторитетов, кроме авторитета мысли. Академия поддерживает дух здоровой конкуренции философских идей.

3. В споре науки и религии, мистики, паранауки Академия берет сторону науки. Именно знания, получаемые учеными, служат основной питательной средой философствования.

4. Академия не приемлет крайних воззрений, отмечает легковерие, косность, ненормальность, психопатологию. Ее девиз: мера во всём, даже в том, чтобы соблюдать меру!

5. Особое внимание Академия уделяет разработке основ, начал философии. В то же время она стремится к всеохватности философствования.

6. В Академии обеспечивается специальное философское образование — для юношества (среднее), молодежи (высшее) и аспирантура.

Академия должна положить начало организованному, институционализированному философскому образованию детей. Философии можно учить с раннего возраста как учат музыке в музыкальных училищах или военному делу в военных училищах. Дети вполне могут воспринимать и усваивать философию. С другой стороны, чем раньше человек познакомится с философией и чем раньше усвоит ее, тем он способнее будет как философ, тем быстрее и мощнее разовьется его философский талант, а может быть и гений.

Благодаря своему независимому статусу Академия открывает также невиданные перспективы для философского образования юношества и взрослых людей. Ведь что собой

представляет сейчас философское образование в нашей стране? Это обучение студентов на философских факультетах университетов и обучение аспирантов в философской аспирантуре этих факультетов и в системе Российской академии наук (В Институте философии РАН, на кафедре философии РАН и т. п.). Здесь мы видим двойную зависимость философии — от государства и науки. Ведь университеты и вузы, где есть обучение философским специальностям, — это в основном государственные университеты и вузы. Далее, философская специальность в этих университетах и вузах присутствует среди многих других специальностей, а они представляют собой чаще всего те или иные разделы науки, научного познания. Философская подготовка, таким образом, находится под жестким контролем государственных органов и нефилософских, научных учреждений. Возьмем Московский государственный университет. В его составе, как мы знаем, есть философский факультет. Помимо этого факультета университет имеет еще десятка два других факультета — естественно-научных и гуманитарно-научных. Философский факультет — один из двадцати! Конечно, образовательную политику в университете определяет не он, а окружающие его научные факультеты. Философский факультет обладает, правда, относительной самостоятельностью. Но все же это не та самостоятельность, которой могло бы обладать отдельное независимое философское учреждение.

7. Широкое философское образование — для всех интересующихся философией.

8. Независимый статус Академии позволит также обеспечить независимый (от государства и науки) профессиональный статус философов.

Нынешнее положение дел таково: профессиональный статус философов обеспечивается вузовскими дипломами, присуждением ученых степеней кандидата и доктора философских наук, ученых званий доцента и профессора, и, наконец, членством в Российской академии наук и подобных учреждениях. Во всех этих случаях оценка профессионализма философа зависит от государственных чиновников и чиновников от науки. Это наиболее наглядно видно на примере ВАКа (Высшей аттестационной комиссии) и Российской академии наук. Высшая аттестационная комиссия — будучи сугубо государственным учреждением — диктует философам, кому быть высоким профессионалом, а кому не быть. Российская академия наук — в своем составе абсолютно нефилософская — на общих собраниях, где философы составляют ничтожный процент, определяет, кому быть академиком от философии, а кому не быть. В сущности получается так, что физики, химики, биологи, экономисты, правоведы и другие деятели науки — решают, кто из философов достоин быть академиком, а кто не достоин.

Ссылаются на необходимость общепринятых стандартов философского образования и профессионализма. Да, я согласен, такие стандарты в наше время нужны. Но почему эти стандарты обязательно должно определять государство? Разве общепринятые стандарты могут быть только государственно принятыми (через ВАК, Министерство образования, РАН и т. п.)?! Ведь существуют примеры, когда эти

стандарты устанавливают независимые от государства учреждения. Дипломы Кембриджа и Оксфорда в Англии, Гарвардского университета в США ценятся во всем мире как высокие стандарты образования, культуры, учености. Общепринятыми стандартами философского профессионализма могут быть общепризнанные дипломы независимого философского учреждения. Причем они могут существовать не в единственном числе, если авторитетных независимых философских учреждений несколько.

Завоевав достаточный авторитет в философских кругах, Академия философии со временем может стать “законодательницей мод”. Ее дипломы среднего и высшего образования, ученых степеней и званий могут стать общепризнанными стандартами философского образования, культуры, учености.

9. Если Академия философии будет создана, то это послужит хорошим примером для создания подобных философских учреждений в других странах, послужит делу институционализации философии во всем мире. Да и в России должна быть не одна Академия философии. Здоровая конкуренция философских школ — только во благо философии.

10. Академия должна стать умственным центром России или одним из умственных (интеллектуальных) центров России, мира.

Задача Академии как умственного центра — возвысить философию в глазах общества, сделать голос философов таким же значимым, как голос политиков, ученых, деятелей культуры, представителей СМИ, религиозных деятелей. Люди

в конце концов должны осознать, что философия — разум общества. Они должны относиться к ней так же уважительно, как они относятся к своему уму.

К проекту устава Академии философии

1. Целью деятельности Академии является обеспечение независимого существования и развития философии как отрасли человеческой культуры.

2. Академия имеет три отделения:

- отделение философского творчества
- отделение философского образования
- практической философии (софологии).

Эти отделения должны функционировать в тесном контакте. Учащиеся, студенты и аспиранты участвуют, как правило, в философском творчестве и исследованиях, а профессиональные философы — в образовательном процессе.

3. Отделение философского творчества имеет три направления:

- основ, начал философии;
- истории философии (философы о философях);
- прикладной философии.

4. Отделение философского образования имеет несколько ступеней:

- ступень широкого философского образования — для всех интересующихся философией и философскими проблемами

- ступень среднего образования (учащиеся)

- ступень высшего образования (студенты)

- ступень профессиональной подготовки (аспиранты)

5. Структура Академии.

Академию возглавляет пожизненно избираемый президент. Он назначает Совет Академии, который помогает ему в делах управления.

Второй и последующий президенты Академии избираются тайно Советом Академии после смерти или, в исключительных случаях, после добровольной отставки предыдущего президента в течение трех месяцев.

Совет Академии состоит не менее, чем из четырех и не более, чем из двенадцати членов.

Совет Академии может выполнять функции коллегиального органа управления Академией с письменного согласия президента Академии.

Члены Совета Академии, выполняют по указанию президента, как правило, функции вице-президентов.

Мечты-фантазии

Как мне видится Академия философии?

В Москве или ближнем Подмосковье — академический городок — двух-трехэтажные дома (исследовательский и учебный корпуса, пансионат для учащихся, студентов, аспирантов и жилые дома для сотрудников) на участке с небольшим парком-садом, зимним садом, с прогулочными аллеями, беседками, спортивными площадками, плавательным бассейном, беговыми дорожками.

Учебные и исследовательские занятия проводятся в доме/домах и в парке, на аллеях, в беседках.

Академия имеет хорошую библиотеку и читальный зал, спортивный зал, мастерские, оснащена компьютерами, полиграфическим оборудованием. В Академии имеется конференц-зал, в котором помимо дежурных мероприятий проводятся академические вечера, музыкальные концерты и т. п.

При Академии действует философская школа-колледж для детей от 7 до 17 лет.

Академия издает труды, журналы, сочинения питомцев и сотрудников, сочинения разных философов.

При Академии организован философский музей, действует специализированный философский театр.

В музее собираются экспонаты о жизни и деятельности известных философов, произведения искусства, имеющие философскую ценность.

В театре ставятся философские пьесы и пьесы из жизни философов.

Совет Академии организует соискание и присуждение ученых степеней и званий в различных отраслях философии.

Членство в Академии должно стать высшим признанием заслуг философа. Статус членства двухступенный: член-корреспондент и действительный член.

Для поощрения наиболее талантливых философов Академия учреждает различные премии.

Академия организует конкурсы на лучшие сочинения по избранным темам, симпозиумы, конференции.

Каждый работающий или учащийся в Академии должен систематически заниматься общеразвивающими видами спорта.

В Академии не только работают или учатся, но и живут. Для учащихся, студентов и аспирантов — пансионат. Для сотрудников — жилой дом с квартирами или отдельные жилые дома.

* * *

Для осуществления проекта Академии в полном объеме нужны большие деньги, пожалуй, не один миллион долларов. Поэтому вполне возможно, что создание Академии может растянуться на несколько больших этапов (в течение десятилетий).

Поначалу нужна разъяснительная, пропагандистская кампания для привлечения общественного внимания к

проекту и, соответственно, финансовых средств для его реализации.

Следует также учредить фонд Академии для аккумуляции финансовых средств.

На первом этапе для учреждения Академии и ее функционирования достаточно иметь-арендовать небольшое двух-трехэтажное здание.

В перспективе же архитектурный ансамбль академического городка должен быть возведен по особому проекту. Архитектурные сооружения академического городка не должны быть серыми, унылыми ни внутри, ни снаружи. Их назначение не только функциональное. Они должны радовать глаз своей уникальной красотой. В помещениях — картины художников, портреты, бюсты великих философов.

Приглашаю всех, кто заинтересуется идеей создания Академии философии, высказать свои предложения, пожелания.

Приглашаю философов-профессионалов к сотрудничеству для объединения усилий по созданию Академии философии. Нужно разработать манифест и устав Академии, подготовить конкурирующие образовательные и исследовательские программы. Нужны, наконец, кандидаты в сотрудники Академии.

Думаю, можно было бы начать сбор средств в Фонд Академии. Если у кого есть предложения на этот счет, прошу обращаться ко мне (e-mail: lev_balashov@mail.ru).

Спонсоры, откликнитесь! Оказав содействие в создании первой в России Академии философии, Вы станете новыми Третьяковыми и Мамонтовыми, золотыми буквами впишите свое имя в культурную историю России.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Философы о философии

“Пифагор называл свое учение любомудрием (· · · · ·), а не мудростью (· · · · ·), Упрекая семерых мудрецов (как их прозвали до него), он говорил, что никто не мудр, ибо человек по слабости своей природы часто не в силах достичь всего, а тот, кто стремится к нраву и образу жизни мудрого существа, может быть подобающе назван любомудром (философом)” .

Аристотель:

“...так называемая мудрость, по общему мнению, занимается первыми причинами и началами” (Метафизика, 981b 25).

Аристотель:

“Следует рассмотреть, каковы те причины и начала, наука о которых есть мудрость. Если рассмотреть те мнения, какие мы имеем о мудром, то, быть может, достигнем здесь больше ясности. Во-первых, мы предполагаем, что мудрый, насколько это возможно, знает все, хотя он и не имеет знания о каждом предмете в отдельности. Во-вторых, мы считаем мудрым того, кто способен познать трудное и нелегко постижимое для человека (ведь восприятие чувствами свойственно всем, а потому это легко и ничего мудрого в этом

нет). В-третьих, мы считаем, что более мудр во всякой науке тот, кто более точен и более способен научить выявлению причин, и [в-четвертых], что из наук в большей мере мудрость та, которая желательна ради нее самой и для познания, нежели та, которая желательна ради извлекаемой из нее пользы, а [в-пятых], та, которая главенствует, — в большей мере, чем вспомогательная, ибо мудрому надлежит не получать наставления, а наставлять, и не он должен повиноваться другому, а ему — тот, кто менее мудр.

Вот каковы мнения и вот сколько мы их имеем о мудрости и мудрых. Из указанного здесь знание обо всем необходимо имеет тот, кто в наибольшей мере обладает знанием общего, ибо в некотором смысле он знает все подпадающее под общее” .

ПсевдоПлатон:

“Философия — постоянная жажда знания бытия”.

(“Определения”)

Эпикур:

“Кто говорит, что еще не наступило или уже прошло время для занятия философией, похож на того, кто говорит, что для счастья еще нет или уже нет времени”.

Цицерон:

“Как плодородное поле без возделывания не даст урожая, так и душа. А возделывание души — это и есть философия. Она выпалывает в душе пороки, приготовляет души к принятию посева и вверяет ей — сеет, так сказать, — только те семена, которые, вызрев, приносят обильный урожай” .

Белинский В.Г.:

“Итак, ты принимаешься за философию! Доброе дело! Только в ней ты найдешь ответы на вопросы души твоей; только она даст мир и гармонию душе твоей и подарит тебе таким счастьем, какого толпа и не подозревает и какой внешняя жизнь не может ни дать тебе, ни отнять у тебя. Ты будешь не в мире, но весь мир будет в тебе. В самом себе, в сокровенном святилище своего духа найдешь ты высшее счастье, и тогда твоя маленькая комнатка, твой убогий и тесный кабинет будет истинным храмом счастья”. Из письма к Д.П. Иванову от 7 августа 1837 г.

Ф. Бэкон:

“Те, кто занимался науками, были или эмпириками или догматиками. Эмпирики, подобно муравью, только собирают и довольствуются собранным. Рационалисты, подобно паукам, производят ткань из самих себя. Пчела же избирает средний способ: она извлекает материал из садовых и полевых цветов, но располагает и изменяет его по своему

умению. Не отличается от этого и подлинное дело философии. Ибо она не основывается только или преимущественно на силах ума и не откладывает в сознание нетронутым материал, извлекаемый из естественной истории и из механических опытов, но изменяет его и перерабатывает в разуме. Итак, следует возложить добрую надежду на более тесный и нерушимый (чего до сих пор не было) союз этих способностей — опыта и рассудка” (Новый Органон, XCV).

Т. Гоббс:

“Философия есть познание, достигаемое посредством правильного рассуждения (*per rectam ratiocinationem*) и объясняющее действия, или явления, из познанных нами причин, или производящих оснований, и, наоборот, возможные производящие основания — из известных нам действий” .

“Философия распадается на две основные части. Всякий, кто приступает к изучению возникновения и свойств тел, сталкивается с двумя совершенно различными родами последних. Один из них охватывает предметы и явления, которые называют естественными, поскольку они являются продуктами природы; другой — предметы и явления, которые возникли благодаря человеческой воле, в силу договора и соглашения людей, и называется государством (*civitas*). Поэтому философия распадается на философию естественную и философию гражданскую. Но так как, далее, для того чтобы познать свойства государства, необходимо предварительно изучить склонности, аффекты и нравы людей, то философия

государства подразделяют обычно на два отдела, первый из которых, трактующий о склонностях и нравах, называется этикой, а второй, исследующий гражданские обязанности, — политикой или просто философией государства. Поэтому мы, предварительно установив то, что относится к природе самой философии, прежде всего будем трактовать о естественных телах, затем об умственных способностях и нравах людей и, наконец, об обязанностях граждан” .

Р. Декарт:

“Прежде всего я хотел бы выяснить, что такое философия, начав с самого обычного, а именно с того, что слово философия означает занятие мудростью и что под мудростью понимается не только благоразумие в делах, но также и совершенное знание всего, что может познать человек; это же знание, которое направляет нашу жизнь, служит сохранению здоровья, а также открытиям во всех искусствах. А чтобы оно стало таковым, оно необходимо должно быть выведено из первых причин так, чтобы тот, кто старается овладеть им (а это и значит собственно философствовать), начинал с исследования этих первых причин, именуемых первоначалами. Для этих первоначал существуют два требования. Во-первых, они должны быть столь ясны и самоочевидны, чтобы при внимательном рассмотрении человеческий ум не мог усомниться в их истинности; во-вторых, познание всего остального должно зависеть от них так, что, хотя основоположения и могли бы быть познаны помимо

познания прочих вещей, однако эти последние, наоборот, не могли бы быть познаны без знания первоначал” .

И. Кант:

“...метафизика природы и нравов и в особенности предварительная (пропедевтическая) критика разума, отваживающегося летать на собственных крыльях, составляют, собственно, все то, что можно назвать философией в подлинном смысле. Она все ставит в связь с мудростью, но на пути науки, единственном пути, который, раз он проложен, никогда не зарастает и не допускает заблуждений. Математика, естествознание и даже эмпирические знания человека имеют высокую ценность как средства главным образом для случайных целей, а если они в конце концов становятся средством для необходимых и существенных целей человечества, то это достигается не иначе как при посредстве познания разума на основе одних лишь понятий, которое, как бы мы ни называли его, есть, собственно, не что иное, как метафизика.

Именно поэтому метафизика есть также и завершение всей культуры человеческого разума, необходимое даже и в том случае, если мы будем игнорировать ее влияние как науки на определенные цели. В самом деле, она рассматривает разум с точки зрения его начал и высших максим, которые должны лежать в основе самой возможности некоторых наук и применения всех наук. Как чистая спекуляция, она служит больше для предотвращения ошибок, чем для расширения знаний, но это не наносит никакого ущерба ее ценности, а

скорее придает ей достоинство и авторитет, как цензуре, которая обеспечивает общий порядок, согласие и даже благополучие в мире науки и требует, чтобы мужественная и плодотворная разработка ее не отвлекалась от главной цели — от всеобщего блаженства” .

Гегель:

“Философию можно предварительно определить вообще как мыслящее рассмотрение предметов... Т.к., однако, философия есть особый способ мышления, такой способ мышления, благодаря которому оно становится познанием, и при этом познанием в понятиях, то философское мышление отличается, далее, от того мышления, которое деятельно во всем человеческом” .

“Дерзновение в поисках истины, вера в могущество разума есть первое условие философских занятий. Человек должен уважать самого себя и признать себя достойным наивысочайшего... Скрытая сущность Вселенной не обладает в себе силой, которая была бы в состоянии оказать сопротивление дерзновению познания, она должна перед ним открыться, развернуть перед его глазами богатства и глубины своей природы и дать ему наслаждаться ими” .

“Философия есть в мыслях схваченная эпоха”.

“Круг жизни крестьянки очерчен коровами — Лизой, Чернушкой, Пеструшкой и т. д., сынишкой Мартеном и дочкой Уршелью и т. д. Философу так же интимно близки — бесконечность, познание, движение, чувственные законы и т.

д. И что для крестьянки ее покойный брат и дядя, то для философа — Платон, Спиноза и т. д. Одно столь же действительно, как и другое, но у последнего преимущество — вечность” (“Афоризмы”).

Гегель:

“Эти (религиозно-философские. — Л. Б.) мысли основываются, следовательно, на некоторой предпосылке, а не на мысли; они представляют собою не столько философию в собственном смысле, т. е. мысль, опирающуюся на самое себя, сколько представление, которое уже заранее твердо установлено и которым пользуются для подкрепления веры, причем безразлично, пользуются ли им для опровержения других представлений и философем или для философской защиты собственного религиозного учения против них. Мысль, таким образом, не познает себя в них последним, абсолютной вершиной содержания, изнутри определяющей себя мыслью. Если поэтому отцы церкви и мыслили очень спекулятивно в пределах церковных учений... то все же последним оправданием этого содержания было не мышление как таковое, а учение церкви. Здесь философское учение заключено в твердо установленный догмат, а не выступает как свободно исходящее из себя мышление. Точно также и у схоластиков мысль не конструируется из себя, а связана с предпосылками.; и, опираясь на них, она, правда, уже больше основывается на себе, но вместе с тем никогда не противоречит учению церкви” .

Гегель:

“Все соглашаются с тем, что никто не может изготовить башмаки, если он не сапожник, хотя перед всяким человеком мерка, ноги и у него, кроме того, есть руки. Относительно же философии сторонники непосредственного знания (Якоби и др. — Л. Б.) придерживаются мнения, что каждый, без всякой подготовки, является философом, может отрицать, критиковать, как ему на ум придет, имеет готовый ответ на философские вопросы” .

Л. Фейербах после прослушивания лекций

Гегеля:

“Я понял, чего мне желать и к чему стремиться: мне нужна не теология, а философия. Мне нужны не бредни и мечтания, мне нужно учиться! Мне нужна не вера, а мышление! Благодаря Гегелю я осознал самого себя, осознал мир. Он стал моим вторым отцом, а Берлин — моей духовной родиной” .

А. Шопенгауэр:

“Воспроизвести в понятиях в абстрактной, всеобщей и отчетливой форме всю сущность мира и как отраженный снимок предъявить ее разуму в устойчивых и всегда наличных понятиях — вот это и ничто другое есть философия” .

А. Шопенгауэр:

“Никто из верующих не прибегает к философии: он не нуждается в ней; никто из действительно философствующих не религиозен; он ходит без помочей, — подвергаясь опасности, но свободно” .

Э. Гуссерль:

Философия — “универсальная наука о мире”. Философ — “функционер человечества”.

Карл Поппер:

“Все мы — философы. И даже те из нас, кто не сознают этого, имеют свои философские предпочтения. Большая часть этих предпосылок принимается безотчетно: они абсорбируются из культурного ареала или традиции. Даже будучи основой практического действия и жизни в целом, они принимаются и проповедуются без должной критической оценки.

Факт, удостоверяющий суть профессиональной и академической философии, состоит, в частности, и в этой необходимости критически оценивать получившие такое широкое распространение теории”.

Б. Рассел:

“Философия... является чем-то промежуточным между теологией и наукой. Подобно теологии, она состоит в спекуляциях по поводу предметов, относительно которых точное знание оказывалось до сих пор недостижимым; но, подобно науке, она взывает скорее к человеческому разуму, чем к авторитету, будь то авторитет традиции или откровения. Все определенное знание, по моему мнению, принадлежит к науке; все догмы, поскольку они выходят за пределы определенного знания, принадлежат к теологии. Но между теологией и наукой имеется Ничейная Земля, открытая для атак с обеих сторон; эта Ничейная Земля и есть философия. Почти все вопросы, которые больше всего интересуют спекулятивные умы, таковы, что наука на них не может ответить, а самоуверенные ответы теологов более не кажутся столь же убедительными, как в предшествующие столетия. Разделен ли мир на дух и материю, а если да, то что такое дух и что такое материя? Подчинен ли дух материи или он обладает независимыми силами? Имеет ли Все-ленная какое-либо единство или цель? Развивается ли Все-ленная по направлению к некоторой цели? Действительно ли существуют законы природы или мы просто верим в них благодаря лишь присущей нам склонности к порядку? Является ли человек тем, чем он кажется астроному, — крошечным комочком смеси углерода и воды, бессильно копошащимся на маленькой и второстепенной планете? Или же человек является тем, чем он представлялся Гамлету? А может быть, он является тем и другим одновременно?

Существуют ли возвышенный и низменный образы жизни или же все образы жизни являются только тщетой? Если же существует образ жизни, который является воз-вышенным, то в чем он состоит и как мы его можем до-стичь? Нужно ли добру быть вечным, чтобы заслуживать высокой оценки, или же к добру нужно стремиться, даже если Вселенная неотвратимо движется к гибели? Суще-ствует ли такая вещь, как мудрость, или же то, что пред-ставляется таковой, — просто максимально рафинирован-ная глупость? На такие вопросы нельзя найти ответа в ла-боратории. Теологи претендовали на то, чтобы дать на эти вопросы ответы и притом весьма определенные, но самая определенность их ответов заставляет современные умы относиться к ним с подозрением. Исследовать эти вопросы, если не отвечать на них, — дело философии” .

Б. Рассел:

Философия “представляет собой размышление о предметах, знание о которых еще невозможно” .

Пытаясь очертить предмет философии в наше время, Бертран Рассел писал о философских проблемах так:

“...в чем смысл жизни, если он вообще есть? Есть ли у мира цель, ведет ли куда-нибудь развитие истории, или все это бессмысленные вопросы? ... действительно ли при-родой управляют какие-то законы, или мы только так ду-маем из-за того, что нам нравится видеть во всем какой-то порядок? ...

разделен ли мир на две в корне различные ча-сти — дух и материю, и если это так, то как они сосу-ществуют? А что мы должны сказать о человеке? Частица ли он пыли, беспомощно копошащаяся на маленькой и не-значительной планете, как это видится астрологам? Или он, как это могут представить себе химики — кучка хими-ческих веществ, соединенная вместе хитроумным обра-зом? Или, наконец, человек таков, каким он представляется Гамлету, в основе своей благородный, с безграничными возможностями. А может быть человек — все это вместе?.. Существует ли один жизненный путь — хороший, и дру-гой — плохой, или не имеет значения как мы живем. А ес-ли существует хороший жизненный путь, то что это та-кое или как нам научиться жить, следуя ему? Существует ли нечто, что мы можем назвать мудростью, или то, что Нам кажется таковой, — просто пустое сумасшествие?»

В.С. Соловьев:

«Слово “философия”, как известно, не имеет одного точно определенного значения, но употребляется во мно-гих весьма между собой различных смыслах. Прежде всего мы встречаемся с двумя главными, равно друг от друга отличающимися понятиями о философии: по первому фило-софия есть только теория, есть дело только школы; по второму она есть более чем теория, есть преимущественно дело жизни, а потом уже и школы. По первому понятию философия относится исключительно к познавательной способности человека; по второму она отвечает также и высшим стремлениям человеческой воли, и высшим идеа-лам

человеческого чувства, имеет, таким образом, не только теоретическое, но также и нравственное и эстетическое значение, находясь во внутреннем взаимодействии с сферами творчества и практической деятельности, хотя и различаясь от них. Для философии, соответствующей первому понятию, — для философии школы — от человека требуется только развитой до известной степени ум, обогащенный некоторыми познаниями и освобожденный от вульгарных предрассудков; для философии, соответствующей второму понятию, — для философии жизни — требуется, кроме того, особенное направление воли, т. е. особенное нравственное настроение, и еще художественное чувство и смысл, сила воображения или фантазия. Первая философия, занимаясь исключительно теоретическими вопросами, не имеет никакой прямой внутренней связи с жизнью личной и общественной, вторая философия стремится стать образующей и управляющей силой этой жизни» .

А. Швейцер:

“Философия по своему призванию есть путеводитель и страж разума; она должна воспитывать нас к борьбе за идеалы, лежащие в основании культуры”.

П.С. Юшкевич:

«В философском мирозерцании происходит приобщение... личности... к мировому целому. Лицом к лицу здесь

становятся “я” и Вселенная. Как ни проблематично это представление о Вселенной, как ни призрачно со строго логической точки зрения, но на известной ступени развития оно неизбежно возникает как идеальное продолжение и идеальная квинтэссенция окружающего мира. Стирая все грани и межи, забывая все частности и дробления, установленные требованиями жизни и науки, человек словно обводит одним широким жестом вокруг себя, объединяя в одно неразрывное, компактное целое бесчисленные формы чувственного мира и спрашивая: “Что есть Всё, захваченное этим жестом? Какое место занимаю в нем я, не я — купец или другой какой-нибудь занумерованный или заэтикетированный член общества, а я во всей совокупности своих сокровенных помыслов и желаний, я, говорящий, как равный с равными, со Вселенной?..”

Философия есть размышление о вещах *sub specie* (с точки зрения) “Всего”...»

О.Г. Дробницкий:

“Философия... в силу предельной общности решаемых ею вопросов не может претендовать на то, чтобы быть повседневным наставником человека в частных житейских ситуациях. Рассмотрение проблем бытия в масштабах человечества, истории, входящее в задачу философии, не следует дедуцировать на конкретные обстоятельства, выводя решения на все случаи жизни. В обыденных ситуациях человек не рассуждает как философ, и не потому только, что невозможно поднять мирское сознание каждого до уровня

предельных абстракций, а потому, что жизненная позиция индивида в перипетиях личного опыта не всегда может быть непосредственно выведена из его мировоззрения. Попытки во всех случаях устанавливать такую строгую зависимость могут привести лишь к педантичному доктринерству, опошляющему само понятие философии” .

И.А. Акчурин:

«Без овладения системой философских категорий, без общей картины мира в голове человек будет жить в этом совершенно новом, сложном и динамическом мире с ощущением, не далеко ушедшим от ощущений неандертальца перед лицом извержения вулкана, землетрясения или тропической грозы. В нем все больше и больше будет расти очень опасное чувство муравья, мечущегося без какого-либо смысла между гигантскими корнями деревьев, — с той лишь разницей, где деревья эти выращены им самим».

Ф. Энгельс:

«Естествоиспытатели воображают, что они освобождаются от философии, когда игнорируют или бранят её. Но так как они без мышления не могут двинуться ни на шаг, для мышления же необходимы логические категории, а эти категории они некритически заимствуют либо из обыденного общего сознания так называемых образованных людей, над которыми господствуют остатки давно умерших философских

систем, либо из крох прослушанных в обязательном порядке университетских курсов по философии (которые представляют собой не только отрывочные взгляды, но и мешанину из воззрений людей, принадлежащих к самым различным и по большей части к самым скверным школам), либо из некритического и несистематического чтения всякого рода философских произведений, — то в итоге они всё-таки оказываются в подчинении у философии, но, к сожалению, по большей части самой скверной, и те, кто больше всех ругает философию, являются рабами как раз наихудших вульгаризированных остатков наихудших философских учений» .

* * *

Тот, кто пренебрежительно относится к философии, — как правило, становится ее жертвой. 10.12.2016

Ученые и писатели о философии и философах

«Что же касается философии, то любой современный ученый-естественник, особенно каждый физик-теоретик, глубоко убежден, что его работа теснейшим образом переплетается с философией и что без серьезного знания философской литературы его работа будет впустую. Этой идеей я руководствовался сам, стараясь вдохнуть ее и в своих учеников».

М. Борн. Моя жизнь и взгляды

«Можно считать, что философия объясняет нам наши знания, пытаюсь отыскать некоторый смысл в естественном беспорядке этих знаний. С этой точки зрения можно говорить о философии чего угодно — о философии искусства, жизни, религии, образования, общества, истории, науки, математики и даже самой философии.

Философия представляет собой процесс отшлифовывания и упорядочения наших знаний и наших оценок; она отыскивает связи между явлениями, которые обычно кажутся совершенно не связанными, и обнаруживает существенные различия в таких вещах, которые в обыденной жизни мы принимаем за одно и то же; философия есть теория, исследующая природу какой-либо области знания. В частности, основная задача философии математики заключается в упорядочении или переосмыслении всей той хаотической массы математических знаний, которая накоплена в течение столетий».

Г. Ивс, К.В. Ньюсом. О математической логике и

философии математики

«Из-за незнания логики погибло больше кораблей, чем из-за незнания навигации», — так ответил знаменитый физик Кельвин сторонникам узкой специализации студентов.

«Мне представляется, что все науки должны группироваться вокруг философии как их общего центра и что служение ей является их собственной целью. Так и только так можно сохранить единство научной культуры против неудержимо прогрессирующего специализирования наук. Без этого единства вся культура была бы обречена на гибель».

Макс Лауэ. История физики

«Философия — царица наук. Среди них она занимает приблизительно такое же место, как орган среди музыкальных инструментов. Она их обозревает, сводит в духовное единство, систематизирует и проясняет результаты исследования во всех областях науки, тем самым создавая картину мира, всеобъемлющий и законополагающий синтез, определяющий смысл жизни и место человека в космо-се».

Томас Манн. Доктор Фаустус

«Кто не философ, тот не человек».

«Мы стремились показать, что при исследовании бесконечности без философии не обойтись, хотя совершенно не разделяем ту точку зрения, что бесконечность входит в компетенцию только философии. Мы считаем, что философия не может предложить какого-либо решения помимо и независимо от наблюдательных и теоретических данных физики, астрономии, математики. Роль философии должна заключаться в том, чтобы, опираясь на уже достигнутое

точными науками и обобщая его, указывать этим наукам направление и перспективу дальнейших поисков, предохранять их от возможного движения ощупью и вслепую».

Г.И. Наан. О бесконечности Вселенной

«Существует поговорка: "Ученый знает много о не-многом; философ же знает мало, но о многом"».

Ф. Франк

«Говорят, что философы и истинные мудрецы равнодушны. Неправда, равнодушие — это паралич души, преждевременная смерть».

А.П. Чехов

«Главное назначение философии науки — сделать возможным научный анализ таких явлений, которые ранее оставались вне компетенции науки. Исторически каждое новое научное направление возникало в результате предшествующего философского анализа соответствующего предмета исследования и методов исследования. Благодаря этому философия и получила название "матери всех наук". В настоящее время философия в состоянии значительно лучше справиться с этой исторической ролью, т.к. теперь мы гораздо глубже понимаем, что такое наука».

Р. Акофф, Ф. Эмери. О целеустремленных системах

Мыслитель, дерзновенный гений,
Свой лоб несущий средь огня и льда,
Идеи многих поколений
В гармонию приводит иногда...
Эмиль Верхарн. Мыслители

Библиография

Григорьян Б. Т. Что такое философия и зачем она? // Вопр. философии. — 1985. — № 6.

Зотов А. Ф. Что такое философия? — М., 1966.

Копнин П. В. О природе и особенностях философского знания // Вопр. филос. — 1969. — № 4.

Кувакин В. А. Что такое философия? Сущность, закономерности развития и принципы разработки. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. — 216 с.

Никифоров А. Л. Природа философии. Основы философии. — М., 2001.

Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? — М.: Наука, 1991. — 411 с.

Хайдеггер М. Что такое метафизика? // Новая технократическая волна на Западе: сборник статей. — М.: Прогресс, 1986.

Книги, изданные автором

Мир глазами философа. (Категориальная картина мира). — М., 1997. — 293 с.

Практическая философия. — М., 2001. — 320 с.

Философия: учебник. — 8-е изд. — М., 2023. — 625 с.

Этика: учебное пособие. — 8-е изд. — М., 2023. — 382 с.

Занимательная философия: учебное пособие. — 9-е изд. — М., 2023. — 452 с.

Занимательная философия. Аудиокнига. М.: Ардис, 2009.

Задачи и упражнения по философии: учеб. пособие. — 5-е изд. — М., 2022. — 48 с.

Наука любви. — М., 2021. — 132 с.

Занимательная этика. — М., 2023. — 464 с.

Как мы думаем? — М., 1996. — 60 с.

Жизнь, смерть, бессмертие. — М., 1996. — 96 с.

Ошибки и перекосы категориального мышления. — М., 2002. — 137 с.

Соответствия и анτισоответствия между категориями. — М., 1998. — 51 с.

Золотое правило поведения. — М., 1999. — 23 с.

Критика марксизма и коммунизма. — М., 1997. — 69 с.

Либерализм и свобода. — М., 1999. — 19 с.

Россия и мир на рубеже веков-тысячелетий. Что было и что

будет. — М., 2001. — 28 с.

Гуманистический манифест. — М., 2000. — 15 с.

Философия для жизни. Пособие по практической философии. — М., 2001. — 56 с.

Об опасности наркотиков и прелестях жизни без них. Заметки философа. — М., 2001. — 30 с.

Мысли о религии. — М., 2001. — 28 с.

Негатив жизни: антикультура и антифилософия. — М., 2002. — 39 с.

В издательско-торговой корпорации «Дашков и К°» имеются в наличии следующие книги автора:

1. Балашов Л. Е. Философия: учебник (систематический курс). — 8-е изд. — М.: ИТК «Дашков и К°», 2023. — 625 с.

2. Балашов Л. Е. Этика: учеб. пособие. — 8-е изд. — М.: ИТК «Дашков и К°», 2023. — 382 с.

3. Балашов Л. Е. Занимательная философия: учеб. пособие. — 9-е изд. — М.: ИТК «Дашков и К°», 2023. — 452 с.

4. Балашов Л. Е. Задачи и упражнения по философии: учеб. пособие. — 5-е изд. — М.: ИТК «Дашков и К°», 2022. — 48 с.

5. Балашов Л. Е. Наука любви. — М.: ИТК «Дашков и К°», 2021. — 136 с.

6. Балашов Л. Е. Занимательная этика: учеб. пособие. — 2-е изд. — М.: ИТК «Дашков и К°», 2023. — 464 с.

Заказы по телефону: 8-495-668-12-30

Научно-популярное издание

БАЛАШОВ Лев Евдокимович

ЧТО ТАКОЕ ФИЛОСОФИЯ?

Книга издана в авторской редакции

Сертификат соответствия № РОСС RU.AB51.HO5316

Подписано в печать 25.05.2023. Формат 60х90 1/16

Печать цифровая. Бумага офсетная № 1. Усл. печ. л. 5,25

Тираж 1000 экз. Заказ №

Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°»

129347, Москва, Ярославское шоссе, д. 142, к. 732

Тел.: 8 (495) 668-12-30, 8 (499) 182-01-58

E-mail: sales@dashkov.ru — отдел продаж;

office@dashkov.ru — офис; <http://www.dashkov.ru>

Отпечатано: АО «Т8 Издательские Технологии»

109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5

Тел.: 8 (499) 322-38-30

ПОПРАВКИ И ДОБАВЛЕНИЯ К 4-му ИЗДАНИЮ

Взять некоторые тексты из «Занимательной философии»

Сила и слабость философа

О первом философе Фалесе известны две легенды, показывающие его силу и слабость как философа.

Первая о том, как он, предвидя хороший урожай оливок, арендовал все маслобойни, стал диктовать цены на продукцию маслобоен и, таким образом, разбогател. Вот как это описывает Аристотель: «Когда Фалеса попрекали его бедностью, так как-де занятия философией никакого барыша не приносят, то, рассказывают, Фалес, предвидя на основании астрономических данных богатый урожай оливок, еще до истечения зимы роздал накопленную им небольшую сумму денег в задаток владельцам всех маслобоен в Милете и на Хиосе; маслобойни Фалес законтрактовал дешево, так как никто с ним не конкурировал. Когда наступило время сбора оливок, начался внезапный спрос одновременно со стороны многих лиц на маслобойни. Фалес стал тогда отдавать на откуп законтрактованные им маслобойни за ту цену, за какую желал. Набрав таким образом много денег, Фалес доказал тем самым, что и философам при желании разбогатеть нетрудно, только не это дело составляет предмет их интересов» (Аристотель. Политика. 1259а).

Вторая легенда о том, как Фалес, заглядевшись на звездное небо, упал в яму (мол, витает в облаках, а что под ногами — не видит) «Рассказывают, — пишет Платон, — что когда он, наблюдая небесные светила и заглядевшись наверх, упал в ко-лодец, то какая-то фракиянка, миловидная и бойкая служанка, посмеялась над ним, что-де он стремится знать, что́ на небе, того же, что рядом и под ногами, не замечает. Эта насмешка относится ко всем, кто проводит свой век в занятиях философией» (Платон. Теэтет. 174а).

* * *

Философия

“Пифагор называл свое учение любомудрием (· · · · ·), а не мудростью (· · · · ·), Упрекая семерых мудрецов (как их прозвали до него), он говорил, что никто не мудр, ибо человек по слабости своей природы часто не в силах достичь всего, а тот, кто стремится к нраву и образу жизни мудрого существа, может быть подобающе назван любомудром (философом)”.

* * *

Аллегория философии

«Очнувшись от печальных размышлений, увидел он перед собой величественную женщину с ликом, исполненным достоинства и пылающими очами. Воз-раст ее определить было трудно: хотя и была она во цвете лет, но глаза ее поражали живым молодым блеском и притягательной силой. Трудно было опре-делить и ее рост, ибо казалось, что она то

возвышает-ся до небес и теменем касается неба, то не превышает обычных человеческих размеров. Облачена она была в одежды из нетленной ткани, с изощренным искусством сплетенной из тончайших нитей. В правой руке она держала книги, в левой — скипетр» (Бозций. Утешение Философией, 524 г. н. э.).

Это, как вы понимаете, — аллегория. Величественность женщины, ее лик, исполненный достоинства, и одновременно пылающие глаза говорят о том, что Философия не имеет возраста, что никогда не может она состариться, ибо сочетает в себе мудрость и молодость одновременно. Ее рост, то возвышающийся до небес, то не превышающий человеческих размеров, свидетельствует о том, что знанием своим она объемлет все: от знания вещей высших до знания вещей человеческих. Ее одежда выдает ее высокое происхождение, а нетленность ткани — нетленность тех форм мышления, которыми она обладает. Скипетр, который она держит в руке, символизирует мудрость и указывает на то, что именно она, Философия, должна править миром; а книги — символ просвещенности и знания .

* * *

Дело философии по Ф. Бэкону

Те, кто занимался науками, были или эмпириками или догматиками. Эмпирики, подобно муравью, только собирают и довольствуются собранным. Рационалисты, подобно паукам, производят ткань из самих себя. Пчела же избирает средний способ: она извлекает материал из садовых и полевых цветов, но располагает и изменяет его по своему умению. Не

отличает-ся от этого и подлинное дело философии. Ибо она не основы-вается только или преимущественно на силах ума и не откла-дывает в сознание нетронутым материал, извлекаемый из естественной истории и из механических опытов, но

изменяет его и перерабатывает в разуме. Итак, следует возло-жить добрую надежду на более тесный

и нерушимый (чего до сих пор не было) союз этих способно-стей — опыта и рассудка (Новый Органон, XCV).

* * *

Для чего нужно изучать философию?

1. Философствует каждый и каждый решает для себя жиз-ненно важные, поистине философские проблемы (об отноше-нии к миру, о смысле и цели жизни, выборе профессии, о доб-ре и зле и т. д.). Так не лучше ли вместо того, чтобы блуждать в лабиринтах проблем, поучиться философии у других?!

Представьте себе, что Вы учитесь кататься на лыжах. Снег глубокий и рыхлый — и Вы с трудом переставляете ноги, но рядом кто-то проложил лыжню — и Вы становитесь на нее, и двигаться сразу легче. Вы постепенно осваиваете технику хода, а потом уже можете идти самостоятельно, своей дорогой, но у Вас уже гораздо меньше шансов провалиться в снег или оста-новиться. Так и в философии .

2. Философия — коллективный разум людей. Быть на «ты» с коллективным разумом так же важно, как и обладать

разумом. А разум — концентрированное выражение человека. Не случайно ученые-биологи называют человека «*homo sapiens*», человеком разумным.

Благодаря философии человек начинает ощущать себя гражданином мира, становится как бы вровень с человечеством и даже с миром в целом.

3. Философия помогает человеку осознать себя в полном смысле человеком (не мужчиной или женщиной, не представителем той или иной национальности, религиозной конфессии или специалистом-профессионалом).

Она, в частности, помогает специалисту преодолевать свою профессиональную ограниченность, односторонность, т. е. защищает специалиста от того, что называют профессиональным кренинизмом (ограниченностью, узостью). Вспомним, что по этому поводу говорил Козьма Прутков: специалист подобен флюсу, полнота его одностороння.

Человек должен быть всесторонне образованным, культурным, развитым. Это достигается изучением наук по специальности, чтением научно-познавательной, художественной литературы, газет, журналов, развитием музыкального и художественного вкуса, практических навыков и умений... Философия стоит как бы в центре всего этого потока образовательных и воспитательных задач.

В 18 веке прусский министр Цедлиц «внушал своим подчиненным уважение к философии»; «студент должен усвоить, полагал министр, что после окончания курса наук ему

придется быть врачом, судьей, адвокатом и т. д. лишь несколько часов в сутки, а человеком — целый день. Вот почему наряду со специальными знаниями высшая школа должна давать солидную философскую подготовку» (см.: Гулыга А. Кант. М., 1977. С. 95).

4. Благодаря философии необыкновенно расширяется умственный кругозор, появляется и/или увеличивается широта мышления. Последняя помогает человеку понять-понимать других, учит терпимости, толерантности, учит не бояться чужо-го, т. е. защищает от ксенофобии.

5. Философия прививает вкус к отвлеченному, абстрактно-му мышлению и не в меньшей степени, чем математика.

Философская абстракция, в отличие от математической, наполнена жизненным смыслом; она не отвлечение от многообразного, а единство многообразного. Достаточно упомянуть такие абстракции, как «мир в целом», «пространство», «время», «материя», «дух».

6. Философия развивает мысль, способность мыслить. Изучение философии — настоящая школа творческого мышления.

7. Философия учит критичности, критическому мышлению. Ведь первое условие философствования: ничего не принимать на веру. В этом своем качестве философия помогает избавиться от предрассудков и заблуждений.

8. Философия помогает людям вырабатывать убеждения и, если нужно, выправлять их.

Надо помнить: убеждения формируют личность. Без них человек подобен флюгеру — куда ветер подует, туда и он.

9. Философия сообщает человеку то, что называют твердо-стью, неустрашимостью духа. Благодаря ей человек избавляется от опасного чувства муравья, мечущегося без какого-либо смысла между гигантскими корнями деревьев.

* * *

Зачем нужно знать историю философии?

Историю философии нужно изучать потому, что она интересна и не менее, чем история искусств. Мы помним и любим Гомера, Шекспира, Рембрандта, Бетховена, хотя они жили давно. И философские идеи-творения — сродни произведениям искусства — обладают величайшей интеллектуальной ценностью. Многие из них неподвластны времени.

Здесь важен и такой момент. История философии — не просто собрание старых идей. Она — скорее сокровищница мысли. Вспомним хотя бы идею атомного строения вещества, выдвинутую Левкиппом и Демокритом две с половиной тысячи лет назад. Эта идея оставалась идеей более двух тысяч лет, до конца XVIII века, когда она нашла, наконец, подтверждение в научной теории атомов. Сколько еще подобных идей ждет своей реализации, подтверждения или проверки/опровержения!

Кроме того, философские идеи, высказанные давно, продолжают жить своей собственной жизнью, видоизменяться, развиваться, обретать новые черты. Генрих Гейне как-то заметил: "каждая эпоха, приобретая новые идеи, приобретает и новые глаза и видит в старинных созданиях человеческого духа много нового".

Одним словом, изучая историю философии, мы изучаем философию.

* * *

Любовь и мудрец

Зенон, философ, когда ему однажды кто-то сказал, что любовь вещь, недостойная мудреца, возразил: "Если это так, то жалею о бедных красавицах, ибо они будут обречены наслаждаться любовью исключительно одних глупцов".

* * *

Символы философии и мудрости

АФИНА — у римлян МИНЕРВА — богиня мудрости, покровительница наук, ремесел, дочь ЗЕВСА — у римлян ЮПИТЕРА — родилась из его головы в полном воинском вооружении.

АФИНА изображалась в виде суровой и величественной девы, чаще всего в длинном одеянии и в полном вооружении,

с копьем, щитом и в шлеме. У ног богини обычно сидит ее птица — СОВА.

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

СОВА — птица философов, символ философии, мудрости. Почему именно сова? Дело в том, что она — единственная птица, которая ведет ночной образ жизни. Ночью все спят, отдыхают, а она бодрствует, работает. Так и разум человеческий. Лучше всего он работает (мудрствует) тогда, когда человек минимально ощущает-воспринимает и минимально действует, то есть когда он делает перерыв в своей чувствительной и двигательной активности. Не случайно существует о «утро вечера мудренее».

А. П. Чехов о философах

Говорят, что философы и истинные мудрецы равнодушны. Неправда, равнодушие — это паралич души, преждевременная смерть.

Философия. Картина М. А. Врубеля

Огюст Роден. Мыслитель

Мыслитель, дерзновенный гений,

Свой лоб несущий средь огня и льда,

Идеи многих поколений

В гармонию приводит иногда...

Эмиль Верхарн